

Костёр

12
ДЕКАБРЬ
1959

Костёр

12

ДЕКАБРЬ

1959

ежемесячный детский журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, СКАЗКИ

«ПОБЕГ» С. Гладкого, «ВРЕМЯ
СЛОВОМ — ПОРА!» Р. Погоди-
на, «СЕРЕЖКИ ДЛЯ СЕЛИИ»
Грейс, «РАССКАЗЫ ВЕ-
РОНИКИ РЯБИНИНОЙ» М. Шур-
на, «В ГОСТИ» В. Санги,
«СЛЕЗИНКА ВЕТРА» Инды Ро-
маны Чай.

*

СТИХИ

«ПЕСНИ ДЖЕЛЬСОМИНО»
Людмилы Родари, «РЕКОРД ВЕЖ-
ЛИВОСТИ» С. Погореловского

*

ОЧЕРКИ

«ПЕХОТНИКИ», «СЧАСТЛИВОГО
ПЛАВАНИЯ» М. Ковадло, «ЗА-
ЧЕМ Я СОБИРАЮ ОТКРЫТ-
ИИ» Н. Тагрина, «ВЕЛИКИЙ
ПОДВИГ» Ж. Яновской, «ВЕР-
ОЛЕТ-ТРУЖЕНИК» В. Ланцо-
ва, «ЗА МИР, ПОКРЫТЫЙ СА-
ДАМИ» А. Страхова

*

НАША СЕМИЛЕТКА

*

КОНКУРС ЮМУ

*

ШАШКИ

*

САМОДЕЛКИ ГОЛОВОЛОМКИ

*

На обложке рисунок Б. Семенова
На титуле фото Б. Уткина
(см. стр. 2)

ВОЖАКИ

Руки — загорелые, крепкие. Они хорошо знакомы с рубанком и топором, баскетбольным мячом и хоккейной клюшкой.

Сейчас ребята будут голосовать. Они решат, быть или не быть тебе вожаком. Руки спокойно лежат на партах, а ты стоишь перед отрядом. Тебя знают насквозь. Но разглядывают так, будто видят в первый раз.

— Ребята, кто — за?

И вот руки начинают подниматься. Поцарапанные, со следами чернил, с первыми трудовыми мозолями. Горячие решительные руки товарищей. Руки, без которых жить нельзя.

— Кто — против?

Никто. Ни одна рука.

Ты стал вожаком.

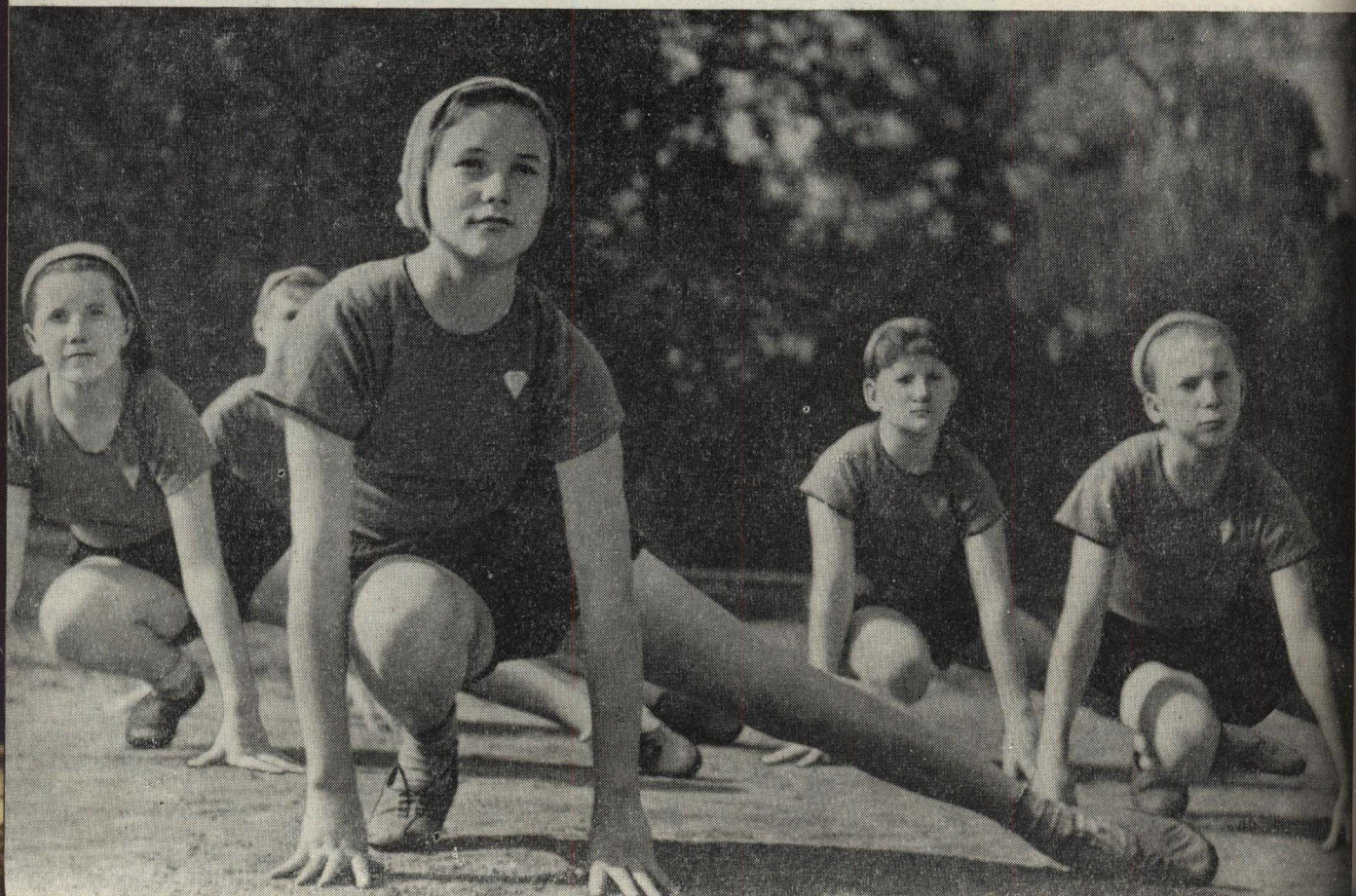
Нет, это не награда за выигранный бой. Это боевой приказ. Бой впереди.

Того, что ты умеешь сегодня, тебе хватит только на сегодня.

Завтра руки твоих товарищей запросят работы. Попробуй ее не дать! Попробуй сказать: „Я не знаю, что делать!“ „Я не умею!“

Ты должен уметь все. И всему научить других.

Ты вожак.

*Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!*

Холодный дождик забарабанил по крышам палаток. Пусто в лагере пионерского актива. Четыреста ребят вернулись в Ленинград, разъехались по области.

Снова ходит в свою 123-ю школу лагерный запевала Петя Шумейко.

А если запевала играет на рояле, и ребята столпятся вокруг веселой незнакомки — новой песни, и вдруг разом подхватят припев, — это очень хорошо.

*Ни мороз
мне не страшен,
ни жара,
Удивляются
даже доктора...*

Физкультура начинается с утренней гимнастики, продолжается в большом спорте, а конца ей не бывает.

Тамара Пужикина всюду дружит с физкультурой, — и в лагере актива, и дома, и в школе-интернате.

Пусть и малыши 10-го интерната растут физкультурниками, как она сама.

2

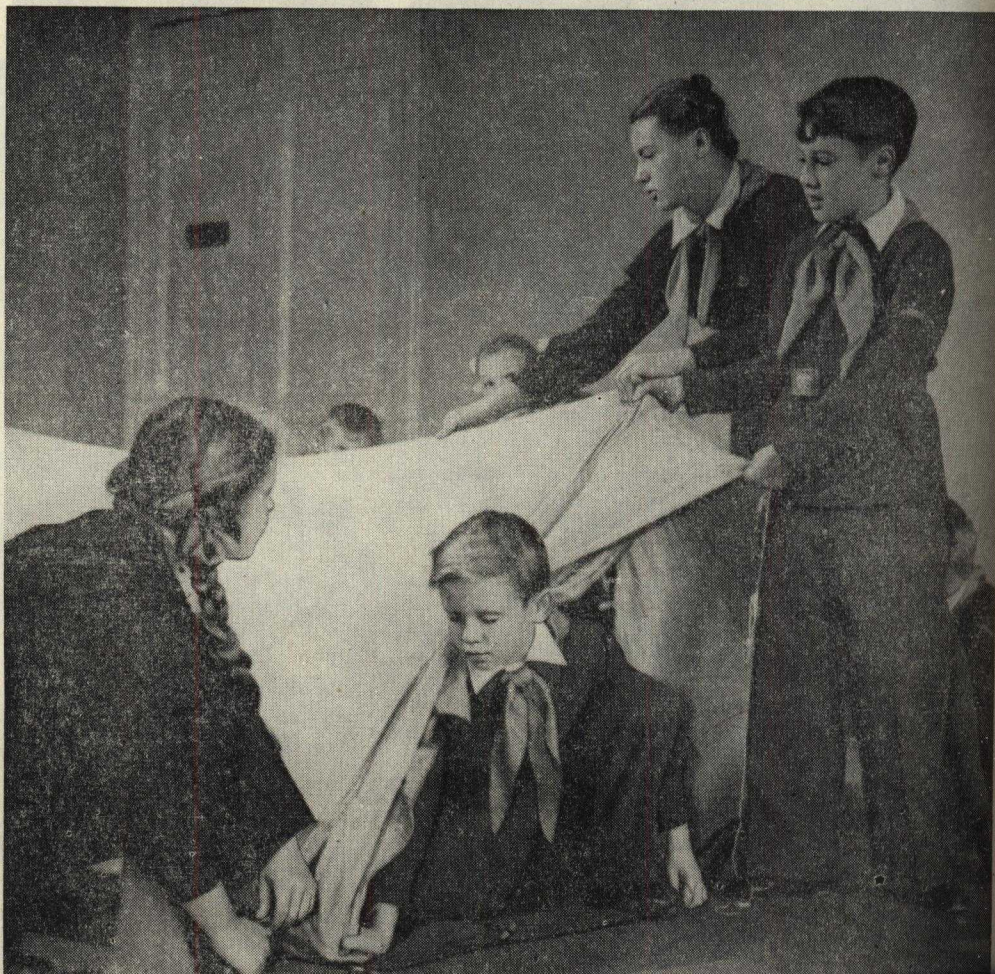
*Дым костра, углей
сиянье,
Серый пепел и
зола...*

Неопытный человек тоже может пойти в поход.

Он будет долго возиться с палаткой под проливным дождем, дуть на тлеющие ветки, утирая слезы, а каша у него пригорит.

Пожалуй, Люся Шишкина из 275-ой школы приехала в лагерь актива таким неопытным человеком. А теперь, обучая малышей, она вспоминает лагерные соревнования по туризму, и четвероклассники кажутся ей смешными, неуклюжими. Ничего-то они не умеют!

Но четвероклассникам не обязательно сразу переселяться жить в леса. Для начала можно просто развернуть палатку, найти ее верх и низ, распутать веревки. А если непонятно — спросить Люсю. Она знает. Она скажет.

Прыгать

*в краковяке —
Это должен всякий.*

Десять танцев?
Я буду танцевать
десять танцев? Да я
и один-то не стан-
цую. Нет, я не могу.
Я стесняюсь.

Но ведь все стес-
няются, а ничего,
танцуют. Что ж я, —
хуже всех? Вон Саша
Черняев из музы-
кального интерната
совсем не умел тан-
цевать, а в лагере
каким стал танцором!
Он и у себя в интер-
нате может показать
русский бальный, па-
де-катр, мазурку, —
что хочешь.

Это только сна-
чала трудно. Все
смотришь себе под
ноги да считаешь
фигуры. А потом
привыкнешь, и вдруг
оказывается, что му-
зыка что-то говорит
тебе совсем челове-
ческим голосом, а
у твоей партнерши —
не только туфельки,
на которые боишься
наступить, но еще и
нарядные бантики
в косичках, и глаза
с такими веселыми
искорками!

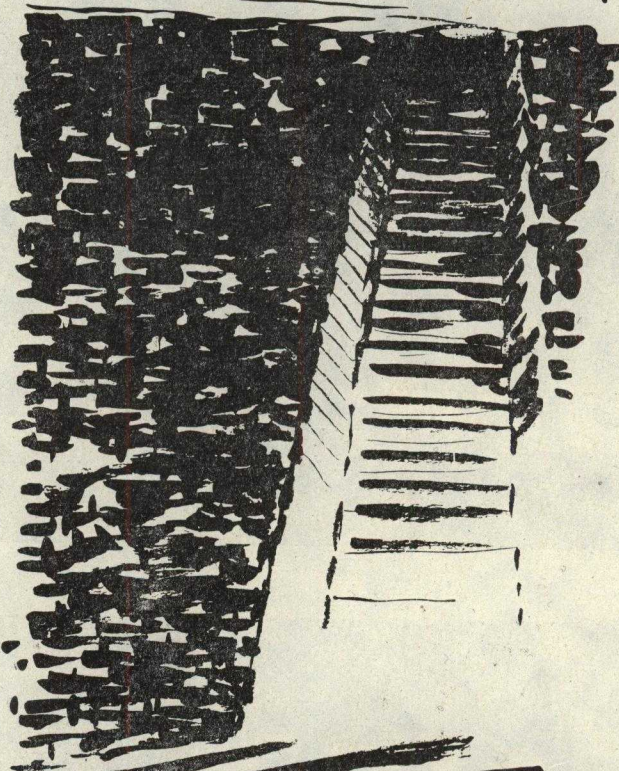
С. Гладкий

Этот небольшой шахтерский городок на севере Франции Константину никак не удавалось разглядеть. Проходил он по улицам только в темноте: утром, до восхода солнца, и поздно вечером. Барак — шахта, шахта — барак, таков был ежедневный путь десятков военнопленных, привезенных немцами из концентрационных лагерей. Тесная деревянная клеть каждое утро опускала их в черный провал шахты, а к ночи — изможденных, шатающихся от усталости, поднимала наверх.

Под землей пленные заменяли лошадей — толкали по рельсам груженные углем вагонетки.

В низких проходах и штреках было сыро, полутемно. Липкие стены, удушливый воздух страшили конвоиров, и они не спускались в шахту. Поэтому заключенные чувствовали себя здесь свободнее, чем наверху. Они быстро подружились с забойщиками — местными поляками и французами.

У работавших рядом с Константином француза Пьера и поляка Стасика были худые землистые лица с намертво въевшейся в кожу угольной пылью. Каждый день друзья

Рисунки В. Орлова

сообщали пленным фронтовые новости. Конечно, и они не знали всей правды: фашистские газеты без конца трубили о своих победах. Но все-таки кое-что проскальзывало. Забойщики рассказали и о разгроме гитлеровских войск под Сталинградом...

Новости, которые узнавал Константин от друзей, словно вливали в него новые силы. Тревожило одно: немцам нужны были специалисты горного дела. Не раз они пытались отыскать их среди военнопленных. А вдруг фашисты узнают, что он — горный инженер?

По ночам Константин долго ворочался на жестких нарах. Мысль о побеге не давала покоя. «Я должен бороться, бороться с оружием в руках. Говорят, во Франции действуют партизаны, отряды «маки». Вот бы добраться до них!».

...Он вспоминал Ленинград, школу. На втором этаже третье от угла широкое окно с коромышкой для голубей... Это их класс. На первой парте сидел Петька Рябов, его взлохмаченная цвета соломы шеvelюра никогда не поддавалась расческе. Он стал врачом. Валька Попов — бе-

гун, мастер спорта. Двое, Степа Резниченко и Клава Калинина, пошли на завод. А у Кости была тогда своя мечта... Летом он ушел с геологоразведочной партией в Восточную Сибирь. Жил в тайге. Встречался с глазу на глаз с медведем.

Потом Карелия, потом Север... Дальние края. Неизведанные тропы...

Костя вспомнил первые месяцы войны. Вот он, инженер геологического управления, явился на сборный пункт стрелкового полка дивизии Народного ополчения. Первый бой с немцами. Горечь отступления. Под Сиверской, куда много раз в детстве ездил с родными за грибами, ранило осколками мины в руку и ногу. Тогда-то и произошло самое страшное — плен. Полуголодные лагеря, побои, теснота бараков, колючая проволока. И, наконец, эта шахта.

Да, нужно бежать! Бежать и бороться, чего бы это ни стоило!

Константин стал внимательно присматриваться к порядкам на шахте. Он уже знал, что конвоиры, приведя заключенных, исчезали на целый день и возвращались только к двенадцати ночи, когда пленные кончали работу. Забойщики уходили домой раньше, в десять вечера.

Что если бежать под видом забойщика? Но для этого надо раздобыть штатскую одежду. На плечах — ярко-зеленый костюм немецкого солдата времен первой мировой войны, на ногах — деревянные башмаки. В таком виде далеко не уйдешь.

— Хочу бежать, помоги мне, — решил он однажды сказать Константину французско-забойщику.

Пьер молча кивнул.

На следующий день он тайком, в сумке для провизии, принес брюки, а из-под своей куртки снял пиджак, потертый, но аккуратно выглаженный. В кармане пиджака оказался компас, карта департамента и путеводитель.

Спрятав в рабочий ящик Пьера все необходимое для побега, решили ждать удобного случая. Так прошло несколько суток.

Наконец решительный день настал.

— Заболел один наш забойщик, — сказал Пьер. — Можно воспользоваться его пропуском.

Он протянул Константину маленькую книжечку в коричневой замасленной обложке.

— Я маю чотыре друга, — Стась показал четыре пальца, — где ты можешь пробыть трошечки. — Он назвал фамилии своих друзей, адреса в городах по дороге на юг.

В десять часов вечера переодетый Константин, в низко надвинутой шахтерской каске,

смешался с толпой забойщиков. Впереди шел Пьер, слева, нарочито громко болтая о каких-то пустяках, — Стасик. Сердце Константина, казалось, готово было выскочить из груди — так громко, тревожно оно билось.

Вот и проходная. Комната ярко освещена электрическими лампами.

Держа в руках раскрытые пропуска, рабочие по одному неторопливо проходят мимо пожилого вахтера. Вот и очередь Пьера. Взгляд вахтера равнодушно скользит по его высокой фигуре. Следующий — Константин.

Внезапно на столике зазвонил телефон. Вахтер задвигает проход металлической щеколдой, долго выслушивает по телефону чьи-то приказания, что-то отвечает, а Константин стоит один, на виду у всех, при ярком свете ламп.

«Сообщают обо мне? Теперь наверняка расстреляют...» — думает он, силясь понять, о чем говорит охранник.

Но вахтер, повесив трубку, снова открыл проход. Стасик, подталкивая Константина сзади, протянул вперед руку со своим пропуском. Константин быстро шагнул вперед.

Неужели — удача? Никто не окликает, не требует вернуться... Стасик крепко стискивает его локоть. На углу улицы их поджидает взволнованный Пьер.

Короткое прощание с друзьями — и вот уже Константин в лесу, на шоссе, ведущем на юг. Все дальше и дальше от ненавистой шахты, от конвоиров, от рабской жизни...

Свободен! Теперь — к партизанам.

Он решил идти только по ночам, а чтобы запутать следы, на случай погони с собаками, переходить ручьи вброд.

Ночью вышла луна, темное небо усеяли звезды. По ним Константин безошибочно определял направление; в геологических партиях ему не раз случалось ориентироваться по звездам.

На рассвете, изнемогая от усталости, Константин свернул в глубь леса и ушел далеко от шоссе. На небольшой полянке развел костер, чтобы обсушить мокрую одежду. В карманах пиджака, кроме спичек, он нашел сухари Стасика и кусок вареного мяса — обычный обед Пьера.

От костра подсохла земля. Костя лег, укрылся пиджаком и мгновенно уснул. Несколько раз он вздрагивал и просыпался: ему снилось, что гонятся немцы с собаками.

К вечеру Костя поднялся. Снова всю ночь шел на юг. Временами выходил на дорогу: по асфальту идти было легче.

На третьи сутки он добрался до города Шамбопер. На окраине, у самого леса, были

разбросаны одноэтажные домики с садами. Очевидно, здесь рабочий пригород.

Теперь надо найти дом Зигмунда Светлицкого. Он должен дать карту соседнего департамента. «А что если мой вид вызовет подозрение? — Костя осмотрел свой костюм. — Брюки измяты, ботинки в грязи... Впрочем... была не была!»

Он обтер ботинки об траву, немного разгладил ладонями брюки и неторопливо, как бы прогуливаясь, направился к крайнему дому. Взглянул на номер. У Зигмунда — 12. Значит, близко, на противоположной стороне.

Вот и этот дом. Калитка распахнута. Помещение словно нежилое. А вдруг хозяева выехали?... Что тогда делать? Стараясь не выдавать волнения, Константин медленно миновал калитку и приблизился к крыльцу.

Дверь неожиданно отворилась. Показался высокий мужчина в короткой кожаной куртке. Он вел за руль велосипед. Настороженно посмотрев на незнакомца, мужчина остановился.

— Що пан хце?

— Вам привет, — забыв от радости польские слова, быстро заговорил Костя, — от Стасика... что на шахте работает...

Большие светлые глаза поляка сощурились в улыбке. Он прислонил к стене велосипед, подошел к Косте. Крепкие сильные пальцы стиснули руку беглеца...

— Проше.

В просторной небогато убранной комнате Светлицкого никого не было.

— Проше сядать, — сказал он, пододвигая Косте стул. — Як там Стаська?

— Працую. Только очень худой. На немецких харчах не растолстеешь.

Костя внимательно рассматривал своего собеседника: худощавое открытое лицо Светлиц-

кого ему понравилось. Это был хороший знакомый Стасика, но в последний раз они виделись, кажется, три года назад. А война и оккупация многое изменили в судьбах людей. Сумел ли сберечь свою душу этот человек? Сумел ли остаться честным?

Светлицкий, извинившись, вышел и через некоторое время возвратился с кружкой вина и куском хлеба с сыром.

— Проше.

Поблагодарив, гость с жадностью принялся за еду.

Светлицкий смотрел на обросшее лицо Кости.

— Як называешься, хлопче? — спросил он.

— Константин Антоновский, — ответил тот, выдумав фамилию.

— Так, Костя, — сказал поляк, — слухай. Зараз я дам тобі на дорогу сыру, хлеба. Адрес запоминай: място Доль, улица Елены, 5, Аркемович Юзеф.

— Только тебе нужно побриться и взять сапку альбо топор, — помолчав, продолжал Зигмунд.

Он вытащил из нижнего ящика шкафа ржавый топор, вложил его в сумку гостя так, чтобы черенок торчал вверх.

Костя, глядя на Светлицкого, с грустью думал, что, по-видимому, ему уже больше не доведется встретиться с этим человеком, таким простым и смелым. Наверное, не одному ему помог он в трудную минуту...

Зигмунд пошел в соседнюю комнату за бритвой.

В это время чуть скрипнула калитка в саду. Мимо окна, пригибаясь, промелькнула фигура. Константин метнулся в коридор, ведущий на кухню. Он оканчивался тупиком. Вбежавший следом Светлицкий успел только предупредить:

— Костя, скажешь, что работаешь в лесу, в лесу у Понятовского, — зрозумив? Ты лесоруб, помни!

Увидев направленный на него из дверей пистолет, Светлицкий замер на месте. Константин тоже не двигался, стараясь не выдать охватившего его волнения.

Худой высокий полицейский спрятал пистолет в кобуру. Это был обычный обход домов.

Перебросившись несколькими словами с Зигмундом, полицейский шагнул к Константину, внимательно осмотрел его сумку, потрогал топор и уставился в небритое усталое лицо. Потом неторопливо вытащил из кармана наручники и ловко надел одно кольцо на правую руку Кости, другое — на левую руку себе.

Они шли по улице. Под каштанами была прохлада. Люди обходили арестованного, опускающая головы.

Шли не спеша, молча.

Полицейский привел Константина в двухэтажный дом к мэру города Шамбопер.

Появилась переводчица — немолодая хмурая женщина.

Константин, спотыкаясь на каждом слове, сказал по-польски, как учил его Зигмунд, что работал дровосеком на ферме.

Мэр снял трубку телефона и стал набирать какой-то номер. Сердце Кости застучало так сильно, что удары отдавались в ушах.

Мэр разговаривал с кем-то, несколько раз повторил фамилию Кости, потом он пристально посмотрел на сидевшего перед ним, положил трубку и куда-то вышел.

Переводчица быстро обернулась к Константину.

— Пан Антоновский! Я вижу, ты есть не поляк, ты есть радецкий жольнеж, красный солдат. Не бойся, — продолжала она ласково, — я працюю в суде, буду помогайт... — она с трудом подбирала русские слова.

Хлопнула дверь. Вошли двое полицейских. Константина вывели в приемную и начали

обыскивать. Кроме двух сухарей, в правом кармане пиджака нашли алюминиевый жетон, захваченный из шахты. Это было единственное, что удостоверяло принадлежность к военнопленным.

Увидев жетон, один полицейский толкнул другого, низенького, большеголового.

Полицейские посмотрели друг на друга и прекратили обыск.

Скоро все трое вышли из дома мэра. Константин теперь не замечал яркого солнца, свежей зелени. Он следил за полицейскими. Один заводил мотоцикл. Высокий полицейский, в короткой шинели и в круглой, как барабан, фуражке, отстегнул кобуру, посмотрел на черную рукоять пистолета, опять застегнул.

«Проверяет оружие. Как удрать? В городе это бесполезно. На ходу нужно. Наденут ли наручники?»

Костю усадили в коляску мотоцикла. Тихо, чуть вздрагивая, заработал мотор.

Наручники не надели.

Мотоцикл выехал из города. Замелькали дворы. Начался редкий лес. Дальше, на холмах, он становился гуще и гуще.

Сбавив ход, завернули на лесную дорогу. Вдруг мотоцикл резко остановился, мотор заглох. И сразу из лесной чащи нагрянула такая тишина, словно все вмиг замерло.

— Иди вперед, — проговорил высокий.

Константин медленно пошел по просеке, вслушиваясь в тишину. Сейчас щелкнет курок. Но почему тихо?

Пройдя несколько шагов, он бросился бежать и петляя скрылся в зарослях.

Он ждал погони. Но ее не было.

Не знал еще тогда Константин, что полицейские-французы, которые привезли его в лес, сами три месяца назад были выпущены из немецкого лагеря...

...Запахавшись, Костя остановился и прислушался. Из кустов выскочила косуля и тотчас же исчезла.

Он снова побежал и оказался на холме, откуда виден был небольшой городок.

Определив по деревьям направление, он пошел на юг, в обход городка. Черепичные цветные крыши ярко выделялись на зеленом фоне листвы. Кричали петухи.

Всю ночь Константин шел по тропинкам, параллельно шоссе, сходя с них только для того, чтобы посмотреть дорожные указатели на развилках.

Еды осталось совсем мало: лишь два коричневых сухаря.

До Аркемовича — кажется, он правильно запомнил фамилию поляка, связанного

с партизанами,—осталось километров тридцать. «Дотяну ли?» — думал ослабевший Константин.

Ходьба вконец изнурила его. Все тело ныло от боли, особенно ноги. Он часто с завистью провожал глазами проходившие по дороге автобусы.

В тумане опять показался синий автобус. Он шел на юг. А что если...

Нашупав в кармане под подкладкой французскую монету, оставленную Пьером, Константин побрел к дороге.

Внизу ковром расстилалась зеленая поляна, перерезанная узкой речкой. За речкой виднелась гряда невысоких курчавых гор.

На повороте дороги Костя увидел указатель остановки. «Но как спросить билет в город Доль? Кто поймет путанный русско-польский язык? Лучше притвориться больным и буркнуть: «Доль».

Подошел автобус. Дверь отворилась. Константин приложил ладонь к щеке, вошел и опустился на свободное сиденье.

Кондуктор в темной кепке взглянул на пассажира и только сочувственно покачал головой. Костя протянул деньги, но тот махнул рукой: так, мол, тебя, больного, довезу.

Усевшись поудобнее и все еще держась за щеку, Костя от усталости, тепла и легкого покачивания задремал.

Разбудил его сильный толчок. Машина резко затормозила, прошуршав резиной по асфальту. К автобусу подошла группа немецких солдат во главе с унтер-офицером. Вместе с французами Костя встал при появлении солдат — таков был введенный немцами закон. Огромным усилием воли подавил волнение.

Из-под надвинутой на глаза кепки Константин рассматривал фашистов. Упитанные, румяные лица казались добродушными. Немцы ни на кого не обращали внимания. Один из них даже заснул.

Рядом с унтер-офицером стоял француз с солдатской выправкой. Он неожиданно наклонился к немцу и что-то сказал. Унтер сразу повернул голову и осмотрел Константина.

«Как только машина остановится, немедленно нужно уходить», — решил Константин. Автобус чуть подбрасывало на ухабах. Вдруг на ногу ему упало что-то тяжелое. Он посмотрел вниз и замер. На его истертом грязном ботинке лежала кобура с пистолетом задремавшего немца. «Оружие? — мелькнула мысль. — Схватить и перестрелять фашистов? Успею ли?»

Немец поднял голову. Его выгнутая седлом

фуражка съехала набок. Константин показал ему на упавшую кобуру. Немец кисло кивнул незнакомцу.

Машина замедлила ход. Косте казалось, что время тянется бесконечно медленно. Он стал пробираться к выходу, но чья-то тяжелая рука опустилась на плечо.

Послышалась отрывистая команда. Константин сразу понял, что у него требуют документы. Стоявшие рядом с ним пассажиры — старичок, пожилые рабочие в беретах, женщина с золотистыми волосами, — все начали возмущаться.

Унтер громко скомандовал: «Хальт!», и машина остановилась. Подталкиваемый немцем, Константин вышел из автобуса.

— Есть документ? — по-немецки повторил спустившийся следом долговязый ефрейтор с автоматом на плече.

— Я есть тэм поляк и немам жадного документа, — коверкая польские и русские слова, проговорил Костя.

«Что они могут сделать со мной? Забрать в полицию или прикончить на месте в ближайших кустах?»

Впереди в ложине — маленькое селение. Издали слышался лай собак. На кочку села ворона. Она что-то жадно клюет и оглядывается.

Толчок автомата в спину и фыркание отходящего автобуса заставили Костю встрепенуться.

Высокий ефрейтор в серо-зеленом мундире торопился:

— Шнель, шнель, — покрикивал он, толкая Костю дулом автомата.

Костя ускорил шаг и метров на пять ушел от немца вперед.

Затем он быстро нагнулся и, делая вид, что завязывает тесемки, из-под руки посмотрел на немца, который на ходу что-то насвистывал. «Сейчас сыпану ему песком в глаза, — и в кусты».

— Эй! — крикнул немец. — Руки вверх!

И направил на Константина автомат.

Ничего не оставалось, как выпрямиться и идти вперед.

У обрыва, поросшего кустами, дорога делала крутой поворот. «С обрыва прыгну вниз, а там... Может быть, удастся бежать?»

Вблизи, у отвесной скалы, громко каркнула ворона. В воздух поднялась стая птиц... Тотчас же в тишине раздался выстрел. Костя вздрогнул и замер. Сзади что-то упало. Константин оглянулся. Немец лежал, вытянувшись во весь рост, лицом вниз. Пилотка валялась на земле.

Костя быстро подбежал к убитому, снял автомат.

— Эй... Ого-го-го-о! — Послышалось где-то над его головой.

В кустах над обрывом стоял человек в берете и полупальто. Мужчина помахал рукой, приглашая его к себе.

«Кто он? — подумал Костя. — Наверно, это и есть «маки».

Костя взобрался по склону.

— Бон жур, — проговорил мужчина. Из-за деревьев показались еще пять человек.

— Дзень добрый, — ответил Костя.

— Что, славянин? — спросил по-польски один из подошедших, коренастый плечистый человек в одежде французского солдата, с пистолетом за поясом. — В нашем полку прибыло!

И протянул Косте крепкую узловатую руку.

ОТ РЕДАКЦИИ

Что же произошло дальше с Константином, как сложилась его судьба? В течение двух лет Константин вместе с французскими партизанами боролся против фашистских оккупантов. В одном отряде плечом к плечу сражались французы и русские, поляки и испанцы, вьетнамцы и бельгийцы...

После освобождения Франции Константин вернулся на родину — в Советский Союз.

Теперь Константин Константинович Хазанович (такова его настоящая фамилия) — кандидат геолого-минералогических наук, он работает в Северо-западном политехническом институте. И хотя после войны прошло уже немало лет, Константин Константинович часто вспоминает своих боевых товарищей — тех, кто помогал ему в трудные минуты, тех, кто вместе с ним отважно боролся против фашизма.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Выпал снег. Посмотри!

Прилетели снегيري.

Первый снег!

Кошка хвостиком махнула,

Кошка с лапок отряхнула

Первый снег.

Быстро в воздухе летает,

Землю пухом устилает

Первый снег.

Дети во дворе играют

И в большой сугроб сметают

Первый снег.

Значит, к нам зима пришла

И в подарок принесла

Первый снег!

Наташа Никулина,

6 «д» класс 89-ой средней школы

г. Днепропетровска

Атомный ледокол

Счастливого плавания

М. Ковадло

Фото В. Самойлова

РАСТЕТ КОРАБЛЬ

Вам приходилось наблюдать, как на стапеле растет корабль? Это захватывающее зрелище! Еще вчера могучие порталные краны переносили на своих стропях бесформенную груду железа. А сегодня уже отчетливо видны контуры будущего корабля.

... Постройка атомного ледокола началась в 1956 году. Решено было строить атомоход на старейшем в стране ленинградском Адмиралтейском заводе. Главным строителем назначили опытного советского судостроителя Владимира Ивановича Червякова.

Металлургические заводы страны прокатали листы специальной нержавеющей стали. Эти листы привезли на завод. Здесь из них изготовили отдельные «кусочки» корабля — секции весом по семьдесят пять-восемьдесят тонн, величиной с двухэтажный дом.

Старейший мастер корабельных дел Дмитрий Алексеевич Карманов, участвовавший в постройке ледоколов «Садко» и «Леваневский», командовал теперь электросварщиками на строительстве атомохода. Обычные электросварочные автоматы оказались непригодны для сварки специальной стали. Сваривать такую сталь так, как сваривали обычную, не удавалось. И все-таки судостроители нашли выход.

Едва успели справиться с этой задачей — подстерегала новая, еще трудней. Толстый и прочный металл ножницами не разрежешь, зубилом не разрубишь. А ведь на

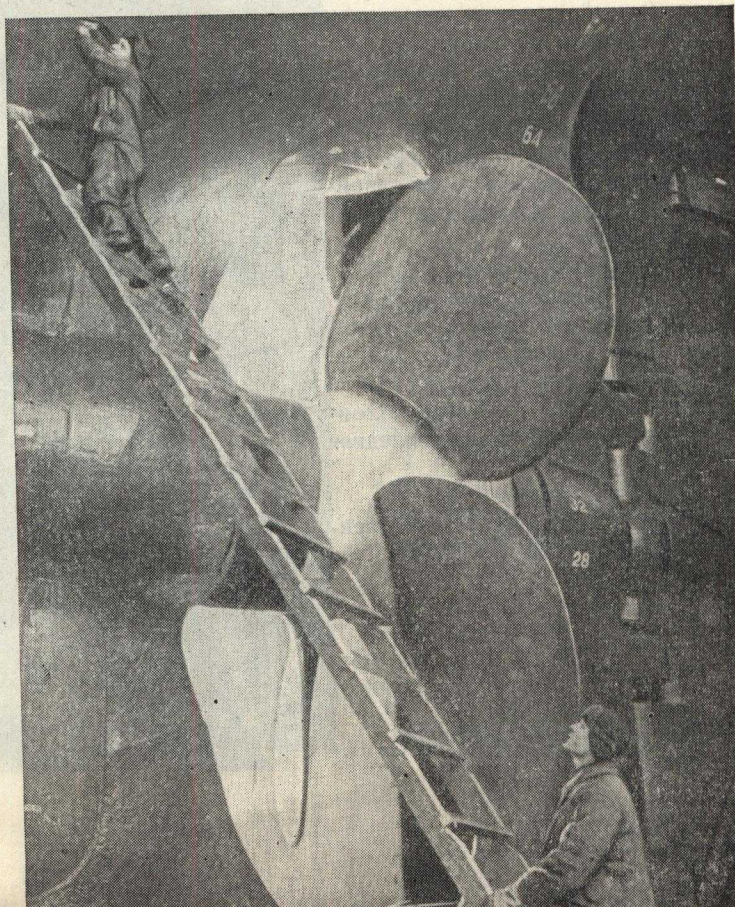

перед спуском

корабле нужны тысячи отверстий для иллюминаторов, люков, труб и электрокабелей.

Немало бессонных ночей провели начальник корпусного цеха Николай Владимирович Мартынов, начальник сварочного отдела Михаил Михайлович Мацов, газорезчик Леонид Семенович Макаров, пока сконструировали новый резак. В обычной автогенной горелке две трубки: для карбидного газа — ацетилена и для кислорода. Когда новаторы изменили устройство и пустили по трубке состав, упрямая сталь плавилась, как сливочное масло под горячим ножом.

Исполинский корпус корабля выросал быстро. Высота его без надстроек скоро равнялась уже высоте пятиэтажного дома. Пере-

Устанавливают гребной винт

борки и промежуточные палубы разделили корпус на множество отдельных отсеков. Вместе с просторными стальными залами высотой почти в три этажа на атомном ледоколе насчитывается более девятисот помещений.

И не только это удивительно. Есть на ледоколе три винта. Средний весит почти сто восемьдесят тонн. На одной его лопасти — а всего их четыре — могут поместиться человек двадцать ребят — целый пионерский отряд.

Хотите представить себе длину атомохода? Все эти сто тридцать четыре метра? Вообразите, что атомоход поставлен „на попа“, — в таком виде он выше Исаакиевского собора в Ленинграде на тридцать один метр.

На ледоколе смонтировано более двадцати шести тысяч труб различного диаметра. В среднем длина трубы три метра. Это значит, на ледоколе одних труб более семидесяти километров.

На корабле более пятисот различных электромоторов и двигателей. Такая энергобаза может обеспечить электричеством целый современный город с населением в триста тысяч человек.

И вот, наконец, 5 декабря 1957 года — день спуска корабля. К 11 часам утра вокруг стапеля, где возвышался ледокол „Ленин“, собрались судостроители и гости. Звучат над стапелем команды:

— Носовые стрелы долой!

— Кормовые стрелы долой!

В ответ на пульте вспыхивают две сигнальные лампы. В 12 часов дня, когда над Невой гремит выстрел с Петропавловской крепости, слышна последняя команда:

— Отдать курки!

Корпус вздрогнул и медленно пополз к воде. Нева при-

няла „новорожденного“. Загрохотали якорные цепи, забурлила вода от вращения могучих гребных винтов. Атомоход спущен!

ЛЕДОКОЛ СТРОИЛА ВСЯ СТРАНА

В директивах XX съезда КПСС сказано: „Построить ледокол с атомной установкой“.

Павел Акимович Пономарев

*Строители ледокола
П. Арцибасов и В. Мигунов*

Проектированием ледокола занимались несколько научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро, специалистов-моряков, кораблестроителей.

Ученые, спроектировавшие первую атомную электростанцию Академии Наук СССР, взялись за конструирование специальных реакторов для атомного ледокола.

Кстати сказать, атомная электростанция ледокола „Ленин“ в девять раз

Владимир Иванович Червяков

мощнее первой атомной электростанции Академии Наук.

Атомоход создавала вся страна. Неудивительно, что он построен по последнему слову науки.

На ледоколе много нового, невиданного. Это относится не только к топливу — „ядерным дровам“ — урану, суточный запас которого умещается в спичечном коробке.

Есть на ледоколе новый кормовой кранец — приспособление, смягчающее удары при буксировке корабля. Он сделан не из промасленной пеньки, а выполнен из резины и весит двенадцать тонн.

Общая мощность ледокола — сорок четыре тысячи лошадиных сил, вдвое больше, чем у американского ледокола „Глетчер“. Могучие гребные винты позволяют атомоходу продвигаться сквозь льды толщиной в полтора человеческих роста. И при этом со скоростью примерно четыре километра в час.

Если атомоходу встретятся неподатливые льды, он сможет насесть на льдину: для этого передняя часть корабля специально скошена. Одновременно насосы начнут нагнетать в носовые трюмы морскую воду. Нос корабля станет тяжелее на несколько сот тонн. Лед не выдержит и даст трещину.

Если все-таки корабль застрянет в льдине, насосы стремительно перекачают из носовых цистерн в кормовые тысячи тонн морской воды. Корма опустится, а нос поднимется.

У ледокола есть еще боковые цистерны. Заполняя их попеременно, можно кренить судно с одного борта на другой.

Вот какой огромный буксирный клюз!

Всю тяжелую работу на ледоколе производят механизмы. Ими управляют на расстоянии, с поста энергетики и живучести корабля. Во время действия атомного реактора никто не входит туда, где он установлен. Нет необходимости бывать и в других помещениях атомной электростанции корабля. За автоматами следят «кочегары», они ходят в белых халатах, словно врачи; и в помещении царит идеальная чистота.

Из просторного помещения главной ходовой рубки можно заставить вращаться все три гребных винта с любой скоростью. Людей в главной рубке немного. Вот уж, действительно, по мановению руки вахтенного электронные автоматы прощупывают дно океана ультразвуком. В любую погоду, днем и ночью, сверхзоркие глаза радиолокатора разглядывают за много миль вперед препятствия по курсу.

На просторной корме ледокола находится ангар, где стоит вертолет, всегда готовый к дальней разведке.

Больше года будет длиться первый рейс. Конструкторы позаботились о быте моряков. Одноместные и двухместные каюты для команды обставлены красивой и удобной мебелью. Водяное отопление в каютах можно регулировать по своему усмотрению.

На ледоколе есть музыкальный салон и библиотека, в которой более восьми тысяч томов книг.

ЗА КОРМОЙ МИЛИ ПУТИ

Пока атомный ледокол готовился в свой первый рейс, его посетили многочисленные экскурсии.

Пришли на корабль и ученики 5-6 класса 247-ой ленинградской школы. Ребята выполнили условие своих шефов — Адмиралтейского завода: добились высокой успеваемости в новом учебном году.

Судостроители охотно рассказали школьникам об устройстве атомохода, провели их по каютам, машинным отделениям, электростанциям.

19 сентября 1959 года — незабываемый день. В 9 часов 20 минут утра капитан ледокола Павел Акимович Пономарев поднялся на капитанский мостик.

Павел Акимович — старейший полярник. Он плавал на ледоколах «Ермак», «Капитан Белоусов», «И. Сталин», исходил весь Северный морской путь вдоль и поперек. На ледоколе «Малыгин» Павел Акимович участвовал в спасении экспедиции адмирала Нобиле, потерпевшего аварию на дирижабле «Италия».

Прозвучала команда, и ледокол «Ленин» дал ход тремя гребными винтами. Остались за кормой первые мили пройденного пути.

Атомный ледокол «Ленин» вступил в строй действующего арктического флота страны.

Счастливого плавания, атомный первенец!

Песни Джельсомино

Джанни Родари

Рисунки Н. Носкович

Помните ли вы, ребята, удивительного певца из повести Джанни Родари «Приключения Джельсомино»? Если помните, то вам, наверное, будет приятно встретиться с ним еще раз на страницах «Костра».

Прочитайте эти стихи, и вы узнаете, какие песни любил Джельсомино, а может быть, и сами споете его веселые песенки. Стихи перевёл поэт Я. Аким

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПЕСЕНКА

Ты видишь,
Крестьянин-
волыньщик идет.
Спросить бы сейчас

у него,
Как он проведет
Наступающий год
И что загадал
В Рождество.
Я знаю, он скажет:
— Зажечь я не прочь
Веселые елки в домах,
И пусть огоньки
Согревают всю ночь
Людей, что шагают
Впотьмах.
А ну-ка,
О том же спрошу
воробья,

Что прыгает
В снежной пыли,
И он прошебечет:
— Загадывал я,
Чтоб дети
Подарки нашли.
Пастух на картинке
Давно мне знаком,
Спросил я его
Все о том.
— Я ввел бы для
праздника

Новый закон,
Подписанный

Длинным
Кнутом:
«Хочу, чтобы
праздник

Все слезы унес
От Перу
До самых Курил,
Чтоб черных,
И белых,
И желтых ребят
Улыбкой одной
Подарил».
...А хочешь,
Скажу тебе без

вранья,
Что по этому поводу
Думаю я?

Ведь можно всего
Добиваться самим,
Пусть только мы
руку

Друг другу
Дадим.
Какую мы елку
зажжем —

До небес!
Каких только в мире
Не будет чудес,
И праздник,
Что нынче придет и
уйдет,

На целый
Растянется
Год!

СЕДЫЕ ВОЛОСЫ

*Посвящается
Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту*

— Каменщик,
Ответь мне
На такой вопрос:
Сколько у тебя
На голове
Седых волос?
— Их у меня
По одному на каждый
дом,

На каждый дом,
Построенный
Моим трудом.

— А вы, синьор учитель,
Ответьте на вопрос:
Сколько у вас
На голове
Седых волос?

— Много их, дружок,
Ты найдешь у старика,
По одному на каждого
Ученика.

— Дедушка, дедушка,
Ответь-ка на вопрос:
Много ли, скажи,
У тебя
Седых волос!

— На каждую сказку
Их по одному,
На сказку,
Что придумал я
Внучонку своему.

И М Я

Посвящается тетушке Кукурузе

Вот если бы Данте назвали меня,
И я написал бы поэму!
Вот если бы дали мне имя Эвклид,
И я бы открыл теорему!
Вот если бы имя Джотто добыть
И тоже великим художником быть!
Стать бы во всех искусствах
Самым, самым искусным!
Но нет, я расстаться совсем не спешу
С именем тем, что с рожденья ношу.
Я, право, ничуть не жалею о нем,
Об имени этом певучем —
Оно позволяет мне с каждым днем
Делаться чуточку лучше.

ОБЕД И УЖИН

*Посвящается Бананито в его бытность
министром продовольственных товаров*

Сел Арлекин с Пульчинеллой обедать.
Приятно из общей тарелки отведать!
Жаль, что в тарелке ни крошечки нет, —
Знатный бы мог получить обед.
Весь день Арлекин с Пульчинеллой дружен;
Сели приятели вместе за ужин.
Отличнейший ужин! Да сущей безделки
Не оказалось в артельной тарелке.
Разгадка простая:
Тарелка — пустая!

ПОСЛОВИЦЫ ДЖЕЛЬСОМИНО

Сумасшедшего не смей
Посылать на ловлю змей.

Кто смеется каждый месяц,
Целый год бывает весел.

Если мне дадут луну,
Возьму и глазом не моргну!

СКОЛЬКО РЫБ В МОРЕ?

*Посвящается
Цоппино,
любителю рыбы*

Трое парней,
Рыбаков из Ливорно,
Друг с дружкой
За кружкой
Спорят упорно.
Спорят уже без малого год:
Сколько рыбешок в море живет?
— Их больше семи, —
Утверждает один, —
Их больше семи,
Не считая сардин.
— Нет, — спорит второй, —
Больше тысячи в стае
(Угрей и омаров
Я не считаю).
— Их больше миллиона! —
Куражится третий...
И все одинаково правы, заметьте!

Х Л Е Б

Посвящается Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту

Эх, если бы стать
Хлебопек-волшебником
Да выпечь бы хлеб —
Вопреки всем учебникам —
Такого огромного роста,
Что люди наелись бы
Досыта.
Ведь бедного люда
На свете не счесть.
Которому
Нечего есть.

Он солнце закрыл бы,
Мой хлеб золотистый,
Огромный,
Поджаристый,
Теплый,
Душистый.
Отведать его бы пришли
Голодные целой Земли.
Приедут малайцы
С далекого берега,
Из Африки негры,

Из Южной Америки.
Детишки съедят
понемножку,
А птицам
Достанутся крошки...
То будет счастливая,
Светлая дата,
Которую в школах
Заучат ребята:
ДЕНЬ БЕЗ ГОЛОДА.

ИСТОРИЯ РЫБЫ-МОЛОТА

Рыба-молот с каждым днем
выглядит печальней:
Ищет молот днем с огнем
Рыбу-наковальню.
Бьет хвостищем по воде,
Лопаясь от злости —
Рыбы-стенки нет нигде,
Скрылись рыбы-гвозди.

Рыбу-камень бы забить
Молотом в дорогу,
Рыбу-палец ушибить
Или рыбу-ногу...
— Ну кому же я нужна, —
Хнычет рыба-молот, —
Вечно плаваю одна
И в жару, и в холод.

Где приятель мой, башмак?
Уж ему, бывало,
Я подметку так и сям
Ловко подбивала.
Как о нем не пожалеть,
Старом, неуклюжем...
Угодил приятель в сеть
Рыбаку на ужин!

КОШАЧЬЯ ГАЗЕТА

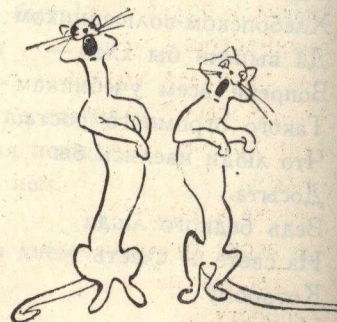
Посвящается Цоппино, чтобы утешить его после чтения газеты
«Образцовый лжец».

Занятную вещь
Я слышал по секрету:
Кошки
Свою выпускают газету!
Печатают в ней
С продолженьями
Повести,
Кошачьи стихи
И последние новости.
Кошки
Всего не читают — по лени,
А сразу глядят
В отдел объявлений:
«Сниму особняк

Со старинным диваном».
«Нужен чердак.
Ограничусь чуланом».
«Старушку ишу
С шерстяными носками, —
Просьба, чтоб дети
За хвост не таскали».
«Охотник с медалью,
Порядочный, честный
Ищет в амбаре
Хлебное место».
«Вегетарьянец
С душой непорочной
Ищет хозяина

Лавки молочной».
После обеда,
Вылизав крошки.
Читают газету
Бездомные кошки.
Глазами едят
Объявления разные,
Страстные,
Точно романы, прекрасные.
Трудно уйти от газеты,
Поверьте!
Но в полночь
Они выступают
В концерте.

РАДУГА

Стихотворение
к одной из картин
Бананито

Дождь. Погода хмурится.
Темно на горизонте.
Вдруг, смотри, на улице
Девочка и зонтик!
Маленькая девочка
С зонтиком заветным,
С зонтиком, как радуга,
Ярким, семицветным.
Лепестки его туги,
На цветок похожи,
И от этой радуги
Весело проходим.

ИСТОРИЯ ПРО ОСЛА

Посвящается одному из ослов страны лжецов,
который рычал, чтобы казаться львом

Знавал я одного осла,
Упрям он был и зол.
Но странность
У осла
Была:
Не знал, что он — осел.

Осел сказал:
— Я убежден,
Что я — не кто иной, как слон.
Нет пышной гривы — значит, я
Не лев, о чем жалею,
Баран мне тоже не родня,
Поскольку я не блею.
Пожалуй, я не адвокат —
В суды не захожу...

А вдруг я
Генералу брат?
В министры угожу?
Иль произвел меня в пажи
Король своей рукой?
Будь другом, зеркало,
Скажи,
Кто же я такой?
Но зеркало сказала так:
— Ты, малый,
Пропусту

Ишак.
— Ишак?! —
Вскричал осел, —
Ну нет,
Обиды не спущу,
За оскорбительный ответ

Копытом угошу!
...Полно осколков на столе,
Сто крошечных кусков.
Но разве стало на земле
Меньше
Ишаков?

Время говорит- пора!

Р. Погодин

Рисунки Н. Лямина

Ночь над городом прозрачная, голубая. Ночь отражается в море стальным блеском и будто звенит.

Море всюду. Оно рассекло город реками, рукавами, каналами. Оно заполняет улицы туманом, напоминает о себе криком буксиров и грохотом якорей. Море размыкает тяжелые крылья мостов, и в город заходят суда.

Город не спит.

Двигутся в тишине караваны машин. Электрические искры тонут в мокром асфальте. Лязгают стрелки железных дорог, стучат колеса тяжелых составов: «ту-да, ту-да, на юг, на восток. В горы, в тайгу, в степь...»

Город велик.

Как годовые кольца у дерева, нарастают вокруг центра кварталы жилых домов. Самые молодые, самые мощные поднялись на окраинах. Улицы здесь зеленей и просторней. Пахнет свежестью. А за домами горизонт — небо! Окраины похожи на открытое окно, в которые врывается ветер.

Здесь заводы.

Здесь возникает могучая энергия времени. Время торопит.

Время говорит — пора!

1.

В шесть утра будильник вздрагивает, шелкает слегка, словно барабанщик пробует палочки, и начинает выбивать дробь. За стеною просыпаются другие будильники. Они лихо трезвонят, зовут, торопят.

Люди сбрасывают одеяла, потягиваются и спешат на кухню к водопроводному крану.

В шесть часов встают взрослые. Это их время. Ребята могут спать сколько влезет. Наступило лето. Куда ребятам спешить?

Лишь Борька хочет встать первым. Размазавая полотенцем, он бежит на кухню, но там уже хозяйничает ткачиха Марья Ильинична. Другой сосед — фрезеровщик Крупицын, — стоит около раковины, чистит зубы. Крупицын косит на Борьку глаза и пожимает плечами.

— Опять я опоздал... — сокрушенно говорит Борька.

Марья Ильинична добродушно улыбается.

— Поработаешь с наше, тогда и будешь вставать самым первым. Время у тебя в душе поселится.

Борька устраивается у раковины. Он любит энергичный ритм утра и холодную воду спрыскивания. Это очень приятно — толкаться у раковины. Будто сам спешишь куда-то, будто и тебе некогда.

— Борька, брысь! Дай лицо сполоснуть!

— А я что, немытый должен? — огрызается Борька.

На кухню выскакивает Глеб. Он встает самым последним.

— Брысь, опять раковину захватил. Подвинься!

Глеб силен, гибок, будто сплетен из тугих смоленых канатов. Мыться с Глебом одно удовольствие. Глеб брызжет на Борьку водой, щекочет его под мышками, сам смеется и фырчит, и отдувается, как морж. Потом он растягивает тугие резинки эспандера и грохочет двухпудовой гирей. Глеб работал на Адмиралтейском заводе, учился по вечерам в Институте водного транспорта и занимался спортом.

...Почти все жильцы завтракают на кухне. Глеб подкладывает Борьке куски колбасы и изрекает с набитым ртом:

— Рубай, Брысь, как следует. Лучше переспать, чем недоест.

Первым квартиру покидает Крупицын. Он идет на работу с портфелем, где спрятаны батон и бутылка кефира. Следом за ним отправляется Борькин отец — шофер, потом муж Марьи Ильиничны — строитель.

В семь часов взрослых в квартире не остается. Квартирой завладевает тягучая тишина, и Борьке кажется, что он опоздал куда-то.

В комнате слегка пахнет бензином. На стене фотографии всех отцовских машин. На буфете, рядом с чайным сервизом, лежит замысловатое стальное лекало. Борькина мать сделала его своими руками, когда еще училась в школе ФЗО. Мать бережет лекало, чистит его шкуркой и скорее готова расстаться с сервизом, нежели с ним.

Убирая комнату, Борька грохочет стульями, чтоб загнать тишину в угол, но она не сдается. Тихо... Только часы тикают во всех комнатах — бодро-весело, словно зная, что рабочие люди ушли по своим важным человеческим делам и вернутся в положенный срок.

Жил Борька в Ленинском районе Ленинграда, где заводы и фабрики стоят плечом к плечу, где кричат буксиры и носятся чайки.

Летние каникулы выдули Борькиных сверстников из города. Опустели дворы и нескем играть. Отец скоро погонит машины в казахскую степь, и Борька поедет с ним. А пока скучно.

Борька глазеет по сторонам, мешается у прохожих под ногами и, не моргнув, переходит самые бойкие перекрестки.

На тысячу вопросов мог бы ответить Борька в свои девять лет. Ему известно, что каучук получают из спирта, из каменного угля готовят духи, а древесные опилки можно превратить в прозрачную, как слюда, ткань.

Борька шел по улицам. Гарь скрипела у него под сандалиями. Но Борька ведал и про то, что к заводам уже подведен газ. Что скоро он загудит в топках бездымным пламенем. И тогда растает над городом облако сажи. Сосед, Володька Глухов, сказал как-то Борьке, что при коммунизме за дым в воздухе будут судить, как за покушение на жизнь человека. И Борька решил: нужно издать закон: «С сегодняшнего дня объявляется коммунизм, — и никаких гвоздей!»

На проспекте Огородникова, что ведет в порт, Борька встретил Женьку Крупицына. Женька шагал, как страус, прилаживаясь к походке долговязого парня в белоснежной рубашке.

Долговязый шел, ни на кого не глядя, словно был самым главным на улице. Плащ через плечо, руки в карманах. Ох, какой гордый парень!

Борька поотстал и попробовал шагать на манер долговязого. Он засунул руки в карманы и пошел, напружинивая икры, словно поднимался по ступенькам. Для убедительности он выпятил нижнюю губу и свел брови над переносьем. Прохожие стали оборачиваться, а какие-то две девчонки обхихикали его моментально. Борька разозлился, пнул полосатую кошку, посмевающую выскочить перед ним из парадной, и с достоинством принял на себя грозный взгляд толстой дворничихи.

Дворничиха погрозила Борьке пальцем, уселась на красный грузовой мотороллер и покатила на нем в подворотню.

Девчонки, — им только и дела смеяться, — фыркнули в кулаки и помчались через дорогу.

— Граждане! Обратите внимание на этих веселых школьников. Они нарушают правила уличного движения!

2

Девочки метнулись обратно на тротуар. Они лишь сейчас заметили важного милиционера с радиорупором на груди.

Милиционер поднял руку. Справа и слева остановились машины. Посередине улицы, по

зила и плавно въехала в подворотню высокого дома, одетого в леса.

Борька забыл про девчонок, про кошку, про дворничиху на мотороллере, про милиционера с радиорупором на груди. Он побежал

белой осевой черте, летела к перекрестку «Скорая помощь».

«Дорогу! Дорогу! — кричали сирены. — Нужно обогнать беду! Дорогу!»

В конце улицы «Скорая помощь» затормо-

к блестящему лимузину, к сосредоточенным людям в белых халатах. Ему хотелось хоть чем-нибудь помочь. И когда мимо него проносили носилки, он придерживал их за край.

У больного были редкие волосы и запавшие,

оловянные от страха глаза. Борька узнал его. Это Глухов! Володькин отец...

Взревел неостывший мотор, и снова машина вынеслась на осевую черту.

«Дорогу! Дорогу!...»

3.

Говорили, что у Володькиного отца золотые руки. Говорили, что построят когда-нибудь музей, где главным экспонатом будут руки рабочего, отлитые из вечного металла, из платины.

Но умерла Володькина мать, и отец стал глушить тоску водкой. Сначала пил робко. Поворачивал портрет жены лицом к стене и только тогда доставал поллитровку. Первую рюмку он выпивал торопясь, стоя, будто боялся, что отнимут. Нюхал хлеб и начинал плакать.

Володька был тогда маленький. Он забивался в угол между оттоманкой и печкой и ждал. А когда отец засыпал за столом, Володька заводил будильник, чтобы не проспал отец на работу, и садился делать уроки.

В первом классе Володька научился носить рваные чулки вверх пяткой и обстригать ножницами обтрепавшиеся концы брюк.

Поначалу в квартире никто не догадывался, что происходит с Володькиным отцом. Он выпивал тихо, в одиночестве.

Но однажды в квартиру пришли рабочие с Адмиралтейского завода. Они принесли Володьке деньги, еду и сказали, что отец в больнице — газосваркой сжег себе левую руку.

— Пенсию не дадут, — хмуро толковали на кухне, — пьяный был. Вот горе-то.

Соседи кормили Володьку, чинили ему одежду, помогали делать уроки. Муж Марьи Ильиничны, полный, неразговорчивый мастер-строитель ходил на родительские собрания.

Володька почти каждый день бегал в больницу. Он пробирался в дырку под забором, увертывался от нянь в больничном саду и от дежурных врачей в коридорах.

Отец всегда молчал. Он даже отворачивался к стене, словно тяготился присутствием сына. Лишь один раз, перед выпиской, он погладил Володьку по голове и зажмурился. А когда пришел домой, весь вечер просидел, перебирая грамоты, полученные за хорошую работу. Он показывал изуродованную руку, морщился и вздыхал.

Навестили отца товарищи с завода. Глухов принял их хмуро, молча, торопился выпроводить. А когда они ушли, проворчал:

— Пожалели! Схватились. А чихал я на ваш завод! И без вас проживу!

Глухов устроился работать банщиком. Теперь он пил, глядя прямо на портрет жены, и кричал:

— Ну и пью! Вот он я, Иван Глухов! Смотришь? А мне наплевать...

Руки у отца были теперь белыми и вялыми, как сонные задохшиеся рыбины.

Время словно остановилось в их комнате. Не тархател будильник по утрам. Жизнь со всеми звуками, запахами и красками обходила их комнату, как текучая вода обходит замшелый валун.

Володька старался как можно дольше задерживаться в школе. В библиотеке он читал и готовил уроки.

Смелся Володька лишь в классе да на улице. В своей парадной он уже умолкал, а в квартиру входил собранный, в постоянной готовности встретить беду.

— Шляешься целыми днями, обувь треплешь! — кричал на Володьку отец. Вырывал из Володькиных рук книжки, тыкал его головой в тетрадку:

— Учишься?.. Умный... А где я денег возьму, тритон ты хладнокровный? Никакого заработка на тебя не хватает... Поди сдай бутылки. Купи батьке маленькую.

Володька шел сдавать бутылки. Но вместо «маленькой» приносил картошки и хлеба.

Отец пихал ему в лицо кулак.

— Умный?.. Н-на!..

Глухов выходил на кухню, садился на табурет и тарасил остывшие, мутные глаза. Куражился.

— Всыпал я сейчас своему тритону. Слышали?

— Сам ты хуже тритона, — стыдила его Марья Ильинична. — Глаза у тебя водкой завешаны. И что, прости господи, Володьке такой червяк в отцы достался!

— Ну и гусь, — гудел отец Брыся, — переждать тебя не жалко.

А Глеб как-то сжал пудовые кулачищи и сказал:

— Слушай, Глухов. Если не прекратишь Володьку уродовать, я тебя по частям разберу. Никакая больница чинить не примет. Ясно?

— Ишь, выискался, прокурор сопливый, — напыжился Глухов. — Давно ли я тебе портки дарил? Володька мой сын, как хочу, так и верчу.

Но после этого случая стал бить сына реже.

4.

Борька думал о странной несправедливости, выпавшей на Володькину долю. Он не

2

понимал, за что сердится на Володьку отец, за что бьет его.

— Когда наказывают меня—это понятно,—рассуждал он.— Я разбил вазу. Я намазал вареньем кошку из соседней квартиры. Я подстриг мамины меховые манжеты, чтобы проверить жидкость для рощения волос. Я проковырял дырки в ботинках, чтобы из них вытекала вода, когда ходишь по лужам. А что сделал Володька? За что ему попадает?

Учился Володька хорошо, занимался фотографией, радиотехникой, баскетболом и рисо-

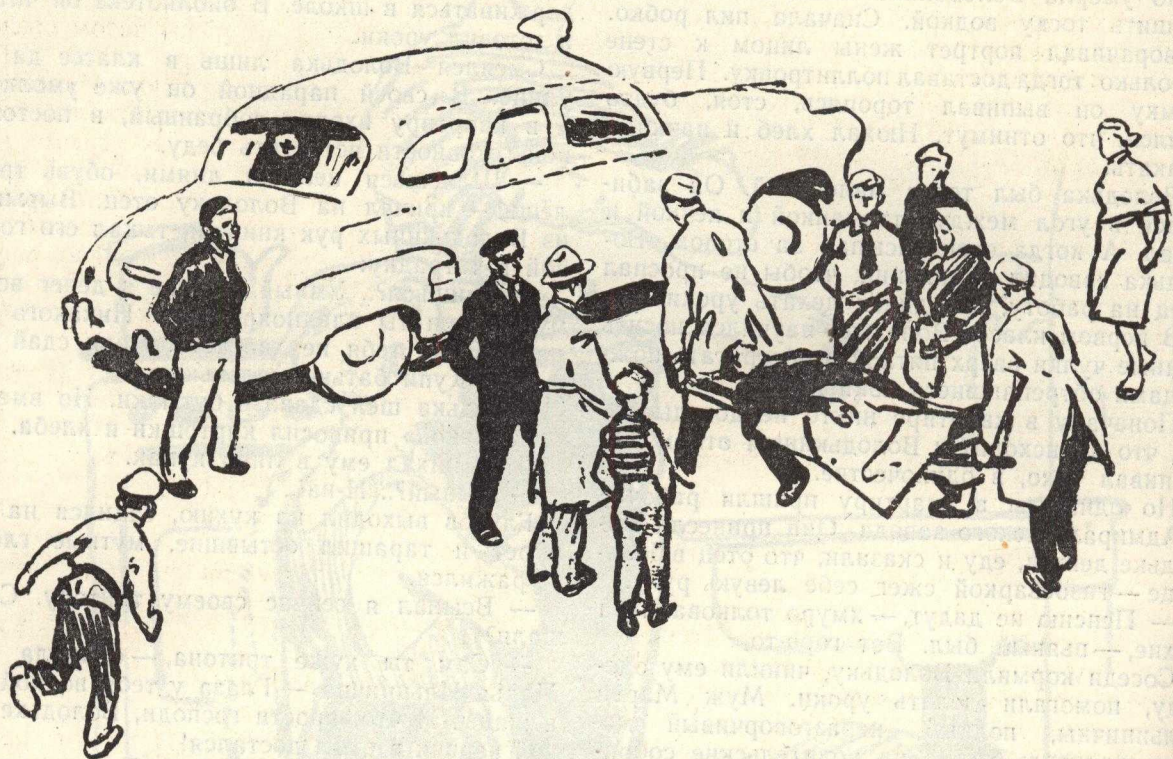
— Я, Борька, обязательно выучусь. Понимаешь, моему отцу не хватило чего-то...

— Паразит он, все равно... Может скажешь, что неученый?—спросил Борька.

Володька долго распрямлял гвоздь молотком, прежде чем ответил:

— Нет... Не в образовании дело... Не знаю. Чего-то другого ему не хватило...

Борька ненавидел Володькиного отца, а Володьку любил неистово. Брысь был единственным человеком, который знал, что у Володьки творится в душе.

ванием. Даже дудел на валторне. Трубу Володьке выдали в оркестре комбината «Лен-сукно», куда пристроила его Марья Ильична.

Володька рассказывал Борьке сказки в темном закутке в коридоре, где висели тазы и ведра. Он давал Борьке книжки, которые брал в библиотека, и терпеливо объяснял про моря, про звезды и атомную энергию. А когда Володька забивался в свой закуток, чтобы переждать, пока утихнет буйство отца, рядом с ним молчаливым комочком усаживался Борька.

В этом же закутке, налаживая Борьке самокаты из шарикоподшипников, Володька ска-

В квартире жил еще один мальчишка, Женька Крупицын. С ним ребята не ладили. Володька просто не замечал его, а Женька считал Володьку чудачком и разговаривал с ним покровительственно.

— Картофельная диета,—говорил он важно,—конечно, располагает к сосредоточенности и самообразованию. Но все-таки, зачем питаться картошкой, когда есть сотня возможностей кушать котлеты?

Такие возможности Женька пытался находить и сам.

Когда Глеб еще не учился в вечернем институте, а работал механиком на судах дальнего плавания, Женька брал безвозмездные

кредиты из кармана его пальто, висевшего в коридоре.

Это привело к короткому, но очень энергичному конфликту между подрастающим поколением соседей.

Как-то раз, когда Женька выуживал мелочь, в коридоре внезапно появился Брысь.

Женька подмигнул:

— Небольшая таможенная пошлина...

Встряхнул монеты на ладони, сунул в карман. И открыл входную дверь. На площадке стоял Володька Глухов с продуктовой кошелкой в руках.

Женька заглянул в кошелку. Там было много картофеля.

— Опять бататы, — и прошел мимо.

Но не успел он выйти на улицу, как его догнали Володька и Борька.

— Деньги давай, — коротко сказал Володька.

Женька улыбнулся щедро и великодушно.

— Могу дать только по зубам.

Сильный удар в подбородок опрокинул его на плитняковый пол.

— Сколько взял?

— Ерунду, — заикаясь, признался Женька и вывернул карманы.

5.

Этой весной Володька перешел в восьмой класс. Он хотел было устроиться на лето подсобником на завод, чтобы заработать и купить себе пальто. Но обстоятельства распорядились иначе.

Последнее время отец начал водить к себе собутыльников. Они сидели вокруг заваленного окурками стола, небритые, замшелые, словно изъеденные ржавчиной, и беседовали о снижении цен.

Володьке было стыдно их слушать, как стыдно смотреть на человека, испачкавшего лестницу в метрополитене. Его разбирали досада и злость.

Однажды Володька застал отца одного. Он подошел к нему и долго смотрел на костлявую трясущуюся спину.

Отец поднялся со стаканом в руке.

— Выпей, — сказал он. — Тогда меня поймешь. Слушай, тебе отец говорит!

Но Володька взял стакан в руку и выплеснул водку прямо в лицо отцу.

Отцовские щеки, дряблые, как трикотаж, дрогнули. Глухов сгреб со стола бутылку, стиснул горлышко костлявыми пальцами и замахнулся.

Володька выскочил в коридор. Следом за ним вывалился Глухов. Глеб подхватил его и приволок в кухню.

— Тритон! — захлебывался Глухов. — Кого облил! Отца родного облил!.. А я на него сил не жалею...

Соседи стояли молча. Глеб вынес из комнаты старую стенную газету, которую он специально раздобыл на заводе, и развернул ее перед Глуховым. В газете была фотокарточка Володькиного отца и статья о нем.

«Сварщик Глухов — артист своего дела. Никто лучше него не может сварить потолочные швы. Сварка Глухова ровная, без раковин и прожогов. Глухову выдан личный штамп. Его работу не проверяет мастер технического контроля...»

Глухов долго читал статью. Потом съежился и заплакал.

Всем стало неловко. А Марья Ильинична, не выносившая пыли, вдруг принялась мести кухню сухой метелкой. Ее муж угрюмо теребил густую сивую бровь.

— Оторвался ты, Иван, от рабочего класса. Сам во всем виноват. Ты всех от себя оттолкнул. А один не проживешь, ой не проживешь. Хребет жидкий.

Мастер-строитель вздохнул, громко и гневно, но ничего не сказал больше.

Глухов поднялся и ушел в комнату, ни на кого не глядя.

А Володька бежал по улице. Он сжимал кулаки и налетал на прохожих. Борька Брысь пыхтел за его спиной.

Улица была залита солнцем. Автобусы сверкали полированными боками. И всюду люди читали газеты, толкая друг друга и споря обо всем на свете: о спутниках, о правительственных нотах, о грибном дожде и преимуществах стирального порошка «Новость». Шла на работу вторая смена.

Ребята проехали в трамвае два рейса из конца в конец и вылезли возле своей школы. Володьке повезло — школьные туристы уходили в поход, и он пристал к ним.

— Борька! Я не вернусь домой, — сказал он Брысю. — Отца у меня больше нет.

6.

«Дорогу!.. Дорогу!..» — последний раз прокричала «Скорая помощь» и, не сбавляя скорости, скрылась за поворотом.

А Борька спешил к своему дому. Запыхавшись, он переходил на шаг, потом снова бежал.

В квартире темно. Никого!.. Только у Крупицыных дверь открылась.

Какая у них комната! Пол блестит, даже случайные пылинки отражаются в нем. Вещи нарядные, как невесты. Пепельница в кружевах! Диван без морщинок — упруг и беспечен.

чен. Радугой сверкают подушки. В комнате слегка пахнет нафталином, — Крупичин старший не признает легкомысленных запахов.

У туалета сидел Женька. Развалившись на стуле, он курил сигарету, и, оттопырив нижнюю губу, потягивал что-то из рюмки. Не морщился, не закусывал. Он только смотрел в зеркало и принимал красивые позы.

Борька оторопел.

— Что это на тебе?

На Женькиной рубашке пестрели этикетки отелей, вин, проспекты туристских фирм и авиакомпаний.

Женька надменно повел глазами, нагил из графина в рюмку и пыхнул дымом прямо Борьке в лицо.

— Привет!.. Как рубашка? Алоха! Мне повезло.

Борька подозрительно понюхал графин. Пахло водопроводом.

— Чего ты воду из рюмки пьешь, стакана нет?

Женька величественно поднял руку.

— Что ты понимаешь! Я репетирую роскошную жизнь. Сто второй этаж. Электрифицированная пещера!

Женька засмеялся и опрокинул в рот еще одну рюмку.

— Я скоро на самостоятельность перехожу. Меня папаша работать определяет.

Оставшись в восьмом классе на второй год, Женька понял, что заводских ворот ему не миновать, — и успокоился. С некоторых пор он считал работу моментом исключительно условным.

В прихожей заголосил звонок, и Женька бросился открывать дверь.

Вошел знакомый долговязый парень. Ох, и какой же красавец! В синем шерстяном пиджаке с искрой.

Следом за долговязым неуклюже протиснулся Глеб. Под мышкой у него торчали задушенный батон и большой пакет колбасы.

Долговязый заботливо и восхищенно поправил на Женьке рубашку и, кивнув на Глеба, спросил:

— Кто этот экскаватор?

— Сосед, — преданно хихикнул Женька.

Долговязый подошел к Глебу, пощупал пакет с колбасой, потянул носом и прищелкнул языком.

— Кажется, не плохая жвачка в наличии. Составим ансамбль. — Он вытащил из кармана сотню и протянул ее Женьке. — Женя, друг, доставь мне удовольствие. Сбегай за коньяком.

— Володькиного отца на «Скорой помощи» увезли! — сказал Борька. — Глеб, слышишь?!

Долговязый посмотрел на него сверху, поднял бровь.

— Преставился, что ли? Ну и ладно. Одним больше, одним меньше.

У Борьки вдруг зашипало в носу, словно он понюхал нашатыря.

Глеб свободной рукой отбросил Женьку от двери, сунул Борьке снесь и медленно взял парня за лацканы.

Синий с металлическим блеском пиджак жалобно затрещал.

— Осторожно, — взвизгнул долговязый, — Я одет...

— Это тебе только кажется, что ты одет, — сквозь зубы проговорил Глеб.

Он открыл дверь и выбросил долговязого на площадку.

— Борька! В какую больницу Глухова увезли?

7.

Соседи возвращались домой кто когда. Женщины прямо с работы бежали по магазинам, приходили нагруженные кошелками и пакетами. Мужчины работали далеко от дома и являлись попозже.

Борька весь вечер сидел в закутке и удивлялся: известие, которое он принес, почему-то не вызвало у соседей скорби.

Мимо него, опустив голову, прошел Глеб.

— Скончался, — сказал Глеб просто.

Соседи молчали. Они смотрели на Глеба, словно он был виноват в этой смерти. Глеб отворачивался. Шея его наливалась багровым цветом.

— Умер... Я в больницу ходил.

— Вот так эпидермис! — вдруг выкрикнул Женька.

Все повернулись к нему.

Крупцын схватил сына за ворот.

— Щенок! — закричал он впервые на людях. — Второгодник! Я для тебя стараюсь. Я для тебя в своем институте место хлопочу, чтобы ты интеллигентным человеком стал. По ночам не сплю, технику изучаю, чтобы тебя в люди вывести.

Крупцын закашлялся. Марья Ильинична протянула ему воду.

— Ты и в могилу сойдешь, чтоб сынку на том свете местечко приличное подыскать...

— А вас не спрашивают, — ввязалась мать Женьки. — Евгений, марш в комнату!

Она втолкнула сына в комнату, грозно посмотрела на мужа и хлопнула дверью.

— А с Володькой-то как же теперь? — спросил Глеб.

Марья Ильинична взялась за мясорубку.

— Володька не пропадет. Как ему пропасть, когда кругом люди? Володька человеком станет. Нельзя ему иначе... — И она повернула ручку с такой силой, словно в щеке застряла кость.

— Слушай, — сказал Марье Ильиничне муж. — А если его ко мне на стройку? Как ты думаешь?

Марья Ильинична не ответила. Она вспомнила, как муж привел ее сюда, в эту комнату, когда они поженились. Как радовалась она своему углу. В двадцать шестом родился Сашка, их единственный сын. А в сорок пятом погиб в Германии. Марья Ильинична вытерла глаза кухонным полотенцем.

— Пусть он сам решит.

И о чем бы они ни думали с мужем в этот вечер, — о новой квартире, которую им обещали, об отпуске, мысли их возвращались к Володьке.

А Борька Брысь отыскивал слова, чтоб утешить Володьку, когда он вернется. Борька морщил лоб, сжимал кулаки и бормотал сурово:

— Ты это... Вот... Понимаешь...

Утешения должны быть скупыми, как на войне.

Хоронил Глухова Адмиралтейский завод. Шли за гробом сварщики, клепальщики, монтажники, разметчики, кузнецы и электрики. Шли товарищи, которых он предал.

С печальным укором играла музыка.

На полу в комнате Глухова валялись обрывки газет. Мутная лампочка криво висела на пересохшем шнуре. Табачный дым осел по углам.

Марья Ильинична распахнула окно, принесла ведро воды, тряпку и щелок. Вместе с ней пришла и мать Борьки Брыся. Они отмыли грязь, оставшуюся после Глухова.

Борькина мать покрыла стол своей скатеркой. Марья Ильинична поставила вазу с ромашками.

...Володька воротился из похода в середине дня. Он шел и насвистывал. Щеки его шелушились от солнца.

На школьном крыльце, на ступеньках, сидел Борька Брысь.

— Ты загорел, — сказал Борька.

Больше он ничего не сказал. Но Володька понял: что-то случилось.

Когда они пришли домой, Борька тоже ничего не сказал.

В комнате было чисто и очень свежо. Над оттоманкой висел портрет Володькиной матери, а под ним тщательно разглаженные грамоты, которые Глухов получил в свое время за отличную работу.

В комнату просунулась голова Женьки Крупицына.

— Пришел? Да, такое дело...

Женька вытащил из кармана несколько аккуратно сложенных пятерок, сунул их под вазу.

— Это тебе. Отдашь когда-нибудь... Ты не очень расстраивайся. У тебя ведь все равно, что был батька, что умер... Тебе так даже лучше, пожалуй.

Володька вздрогнул и медленно повернул голову в Борькину сторону.

Борька водил пальцем по стеклу, и стекло тихо скрипело.

Женька Крупицын сбегал домой, принес шелковую рубашку-безрукавку. Он мигал глазами и выпячивал губы.

— Модерн бобочка, голландская. Сам купил. Только матери моей не скажи... Да брось ты в самом деле!..

Собрались соседи. Они вошли осторожно, стали полукругом у оттоманки.

Володька лежал лицом к стене. Он смотрел на портрет матери. Глаза у матери были ласковые и немного тревожные.

— Ты не убивайся, сынок, — мягко начала Марья Ильинична. — Мы тут подумали вместе, а ты уж сам решай...

— Хочешь ко мне на стройку? — без обиняков предложил ее муж. — Крупноблочные дома ставить будешь.

— К нам, на автобазу, — пробасил отец Борьки, — в моторный цех. Работа грязная, зато мозговая.

— И к нам можно, слесарем-сборщиком. — Борькина мать всхлипнула и вышла из комнаты.

— Я тоже могу поспособствовать, — осторожно предложил Крупицын. — Исследовательский институт... Работа полуинтеллектуальная, творческая... Вместе бы с Евгением...

Володька сел, упершись руками в валик. Все заметили, что шея у него тонкая, волосы давненько не стрижены, и без слез прямые, как луч, глаза.

— Я на Адмиралтейский, сварщиком.

Все посмотрели на Глеба.

Глеб уселся рядом с Володькой, обхватил его ручищей за плечи и сказал:

— Правильно. Я уже в комитете говорил... Полный порядок.

Мать Борьки Брыся принесла из кухни винегрет, картофельное пюре с котлетой и кружку молока.

Потом все ушли. Борька Брысь ушел тоже. Он понимал, что Володьке необходимо остаться одному. Но сидеть дома не было никакой возможности.

Борькины мать и отец разбирали в шкафу, доставали майки, рубашки, полотенца. Отец готовился к поездке в казахскую степь. Рубашки размером поменьше мать откладывала в сторону, и Борька знал, кому они предназначены.

Марья Ильинична сидела за швейной машинкой, перешивала Глебову морскую сумку и брюки.

Борька не выдержал, зашел в Володькину комнату.

Володька лежал на оттоманке, а посреди комнаты расхаживал муж Марьи Ильиничны.

— Хорошо, что ты отцовскую специальность выбрал. Профессия важная. Но я тебе разъясняю: напрасно ты строителем не захотел... За строительную специальность агитировать трудно. Она вся на ветру, под дождем. Мороз также. Но ведь и солнца полное небо... Ты сообрази. К чему, например, иные стремятся? Персональную стиральную машину, персональную плиту, персональный счетчик, персональный телевизор,

персональную библиотеку. Прочитал книгу, и стоит она, пыль собирает.

— Теперь подумай. Возведет строитель такой дом, где библиотека для всех — читай! Столовая в лучшем виде — диетические супа даже. Прачечная по последнему слову стиральной техники и без очереди. Санпункт при доме. Общая гостиная — салон на каждом этаже. Телевизор в салоне во всю стену. У каждого, конечно, квартирka сообразно с количеством членов семьи... Как в таком доме люди жить станут?

— При коммунизме все на кнопках будет, — ответил за Володьку Брысь.

— А ты молчи, — мастер сердито шевельнул бровями. — Если тебя при коммунизме выдрать потребуется, на какую кнопку нажимать станем?

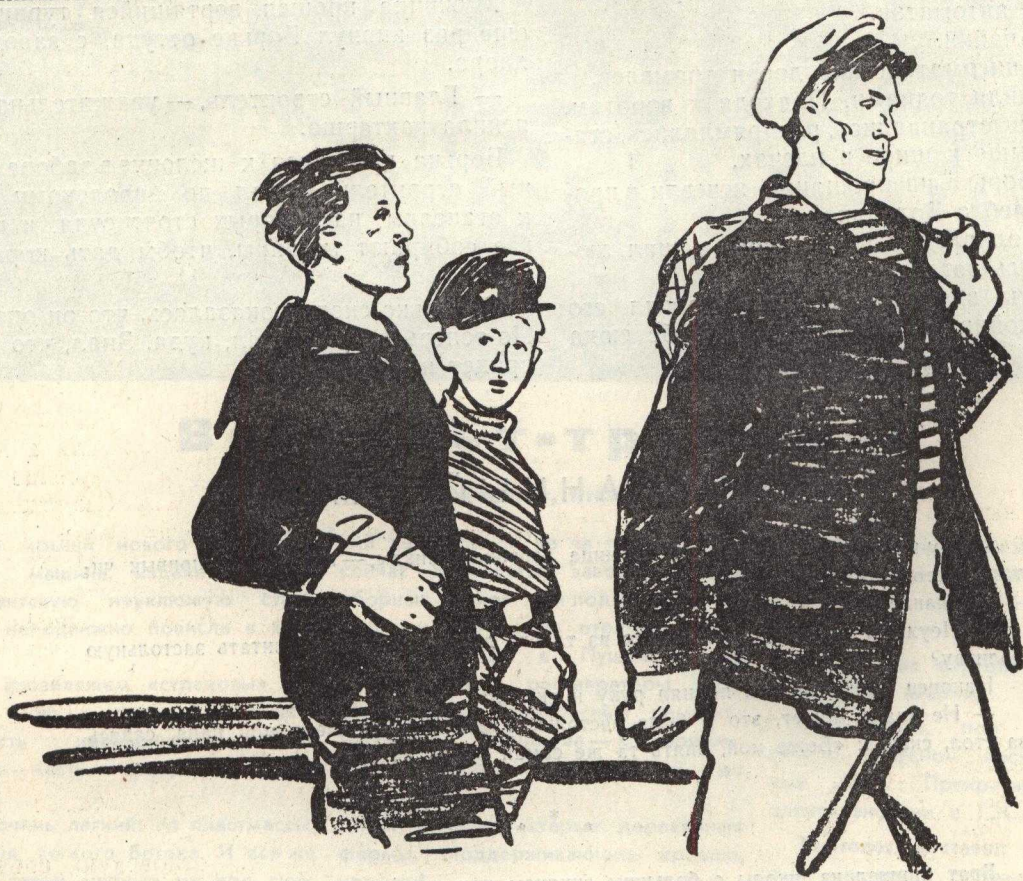
Володька ничего не говорил. Он спал. Мастер тихонько подтолкнул Борьку к дверям. На пороге обернулся, посмотрел на будильник. Впервые за много лет стрелка будильника опять стояла на шести.

9.

Утром Борька Брысь, как всегда, проснулся со взрослыми.

— Ты обожди, — остановила Борьку Женькина мать, — не лезь к ракшине. Видишь, люди торопятся. — Володька и Женька деловито окатывались холодной водой под руководством Глеба.

Марья Ильинична принесла Володьке суконку и брюки. Заставила почистить ботинки кремом.

Такая кнопка Борькой была не предусмотрена.

Мастер одернул домашнюю куртку, вытащил из вазы ромашку и, расправив на ней лепестки, сказал:

— Строитель должен в деталях представлять, что за здание он возводит... А ты говоришь...

— Ты опрятным должен прийти на завод. Тебя звание обязывает. — Оглядела Володьку со всех сторон и сунула ему под мышку завтрак в полиэтиленовом мешочке.

Крупяницы тоже готовил своего сына на работу. Он неодобрительно пощупал его новые штаны и пупырчатый пиджачок.

— Куда вырядился? За кого тебя коллектив примет? Рабочее надень... По синему небу плыл дым, оседая на подоконниках хрустящей гарью. На остановках толпились люди. Они кивали друг другу, продолжали вчерашний прерванный разговор, читали газеты. Брала штурмом трамвайные площадки.

Глеб шел впереди. Володька и Брысь поспевали следом.

Адмиралтейский завод рядом, за Калининским мостом с чугунными цепями, за пловучим магазином живой рыбы.

Над забором завода возвышались тяжелые башни крейсера. Они будто забылись на солнце чуткой солдатской дремой.

Борька прислушался, стараясь уловить свист токарных станков и раскатистую дробь клепальных автоматов.

Кричали чайки.

Хлопали пневматические двери трамваев.

Рабочие шли толпами. Подходя к воротам, они будто выстраивались, распрямлялись, становились выше и шире в плечах.

Махнув Борьке на прощание, исчезли в проходной и Глеб с Володькой.

Борька толкался у проходной, мешал людям, стараясь заглянуть внутрь.

— Что ты здесь делаешь? — спросил его кто-то спокойно и ровно. — Рано тебе сюда нос совать.

Борька поднял голову. Над ним, прищутив глаза, стоял высокий человек в светлом костюме. Рабочие здоровались с ним почти тельно, и Борька оробел.

— Не рано... В самый раз...

— Вот как. У тебя отец здесь работает, что ли?

— Нет. Друг мой теперь тут работает, Глухов.

— Знавал я одного Глухова... сварщика, — задумчиво проговорил мужчина.

Борька вспыхнул:

— Теперь другого узнаете. Настоящего!..

Мужчина улыбнулся, потрепал Борьку по вихрам.

— Буду рад познакомиться... И с тобой тоже...

Мужчина прошел вертящийся турникет и еще раз кивнул Борьке оттуда, с заводского двора.

— Главный строитель, — уважительно объяснила вахтерша.

Борька прижался к щелочке в заборе. Главный строитель шагал по заводскому двору к стапелям, на которых стоят суда, к цехам, где собирают машины, чтобы дать кораблям жизнь.

И Борьке снова показалось, что он опоздал. Но теперь он уже знал, куда. Знал, что скоро придет и его время.

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

— Ну-ка, дети, — сказала учительница первоклассникам, — кто из вас привык читать застольную молитву?

Молчание.

— Неужели среди вас нет никого из такого дома, где принято читать застольную молитву?

Наконец один мальчик поднял руку и сказал:

— Не знаю, может, это и была застольная молитва, но вчера мой папа, садясь за стол, сказал: «Боже мой, опять та же самая бурда на обед».

* * *

Брат пришел из школы с большим синяком под глазом, сестренка спрашивает:

— Где ты такой синяк получил?

— Ничего себе — получил! За него драться надо было и еще как!

Перевел с финского И. Ритар

Вертолет-труженик

В. Ланцов, инженер

Из-за крыши нового дома вынырнула машина, издали похожая на гигантскую неуклюжую стрекозу, и неподвижно повисла в воздухе.

Под фюзеляжем «стрекозы» огромный куб с окнами и дверями — часть невиданного дома. Немалая часть — сразу несколько квартир.

Куб очень легкий: из пластмассы, алюминия, легкого бетона. И все же поднять такой «кубик» не под силу человеку. Даже если он чемпион по поднятию тяжестей.

А вертолет справляется без особого труда. Прилетел на склад домостроительного завода, захватил очередной «кубик», установил его где надо, — и готов во второй рейс.

И все это за час!

Мы с вами заглянули в завтраш-

ний день. Но он не за горами. Уже сейчас вертолеты завозят детали сборных домов для полярников, геологов и передовых отрядов строителей. Сейчас в Пушкине, под Ленинградом, реставраторы восстанавливают прекрасный памятник русского зодчества — Екатерининский дворец, разрушенный во время войны.

Как заменить старые деревянные фермы, поддерживающие кровлю, новыми?

Вертолет сделает это за четыре минуты. Тросом он подхватывает ферму, поднимает ее над землей на несколько метров, а затем плавно опускает на землю. За два с половиной часа строители и летчики сменили перекрытия в большом зале дворца, установили одиннадцать новых ферм.

С башенным краном так быстро не обернешься. Только на сборку и разборку крана уходит полмесяца.

А вот как вертолет помог ликвидировать аварию.

На Волге, под Ульяновском, снесло ураганом несколько опорных мачт. Прекратилась подача электроэнергии с ГЭС.

Вертолет доставил в заболоченную местность рабочих, материалы и инструмент.

В тайге, в горах и на крайнем Севере вертолеты незаменимы.

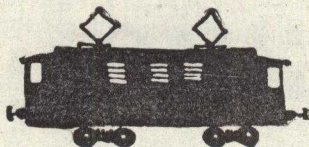
Пройдет еще немного времени, и вертолеты, эти воздушные краны-вездеходы, прочно займут свое место в строительстве. Башенным кранам и грузовым автомобилям-тяжеловозам придется потесниться.

1959-1965

Красавец паровоз сдан в музей? Почему? Главная вина его — зря тратит много топлива. Бросит, например, кочегар в топку сто лопат угля, а из них только пять идут в дело — двигают поезд. А остальные девятьсто пять? Вылетают в трубу с дымом. И вместе с ними — миллиарды народных денег. И пьет паровоз очень много — двенадцать-пятнадцать тонн воды в час. Вот и приходится ему часто останавливаться: набрать воды, принять уголь, почистить топку. Нет, устарел, одряхлел дедушка-паровоз. Ему уже больше ста лет, пора на покой, в музей.

КТО ЖЕ ЕГО ЗАМЕНИТ?

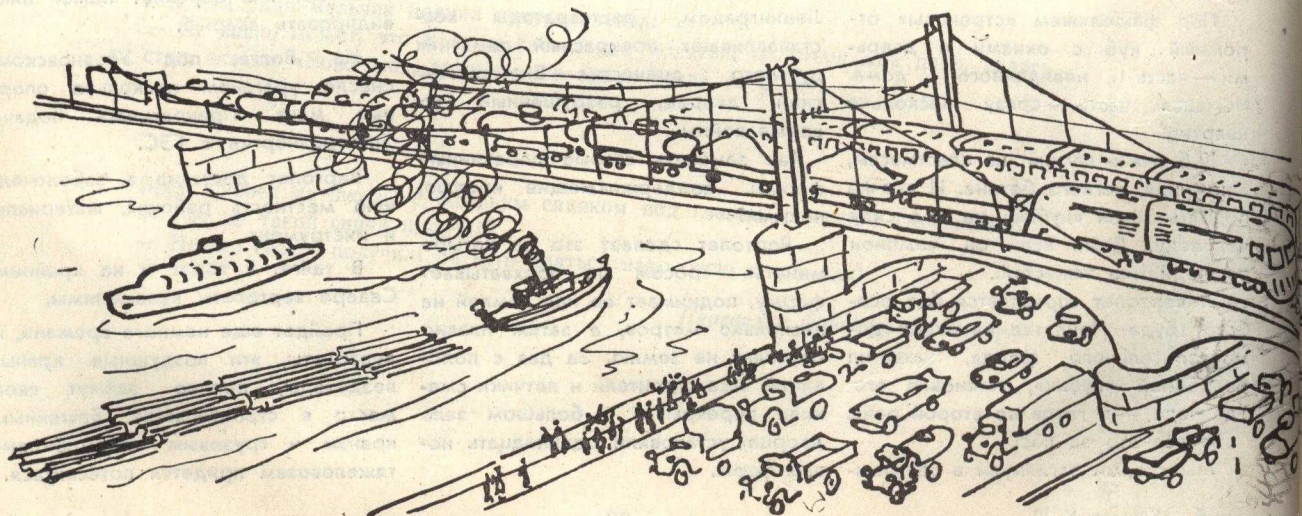
Электровозу не нужны ни уголь, ни вода. Как трамвай, он питается электричеством. Наверно, вы видели вдоль железнодорожных путей высокие столбы с металлическими проводами. По этим проводам электростанция «кормит» электровоз.

Тепловоз — родной брат электровоза. Только энергию он получает не извне, от проводов, а вырабатывает сам. Это как бы движущаяся электростанция.

Электровоз и тепловоз намного сильнее и быстрее паровоза и не такие прожорливые. Один электровоз или тепловоз может сделать такую же работу, как три паровоза.

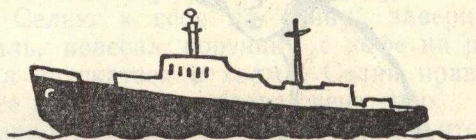
К концу Семилетки на большинстве железных дорог электровозы и тепловозы заменят паровозы. За семь лет это даст огромную экономию: 400 миллионов тонн угля и 45 миллиардов рублей!

Железные дороги — главный вид транспорта. Главный, но не единственный.

Двенадцать морей омывают берега Советского Союза. Мы торгуем со многими странами; четыреста иностранных портов наши суда посетили только в прошлом году. Танкер «Пекин» один перевозит озеро нефти — двадцать семь тысяч тонн. Трюмы другого великана-теплохода «Ленинский комсомол» вмещают свыше двухсот вагонов хлопка или зерна.

В СССР самые длинные в мире судоходные речные пути. Десятки миллионов тонн леса, нефти, руды, зерна, строительных материалов

перевозят по этим путям. А через семь лет станем перевозить в полтора раза больше. Новые дизельные суда вместо старых пароходов, металлические баржи вместо деревянных пойдут по рекам нашей Родины.

В последнем году Семилетки наши торговые суда перевезут грузов в два раза больше, чем теперь.

Полмиллиона автомобилей — от маленького «Москвича» до гиганта-самосвала — выпуск 1959 года, а в конце Семилетки их будет около 800 тысяч в год.

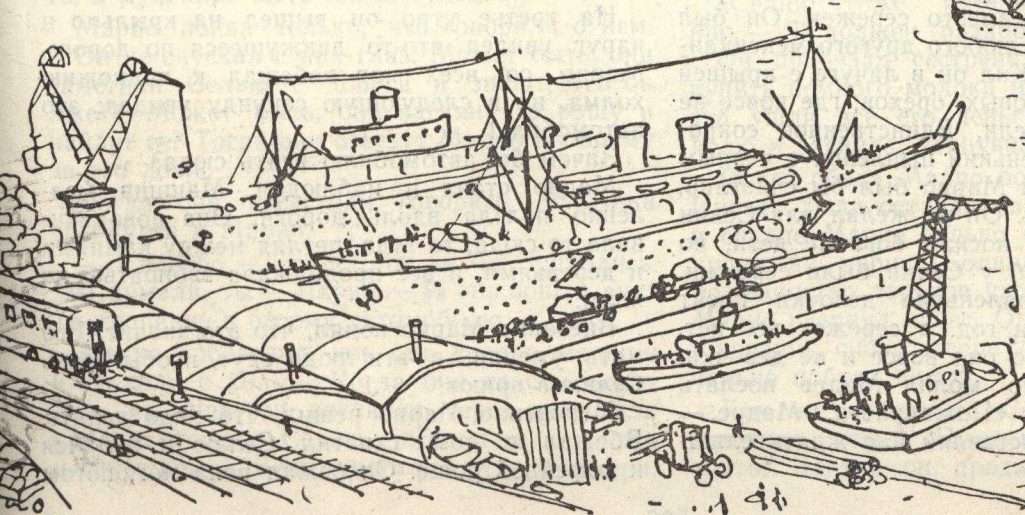
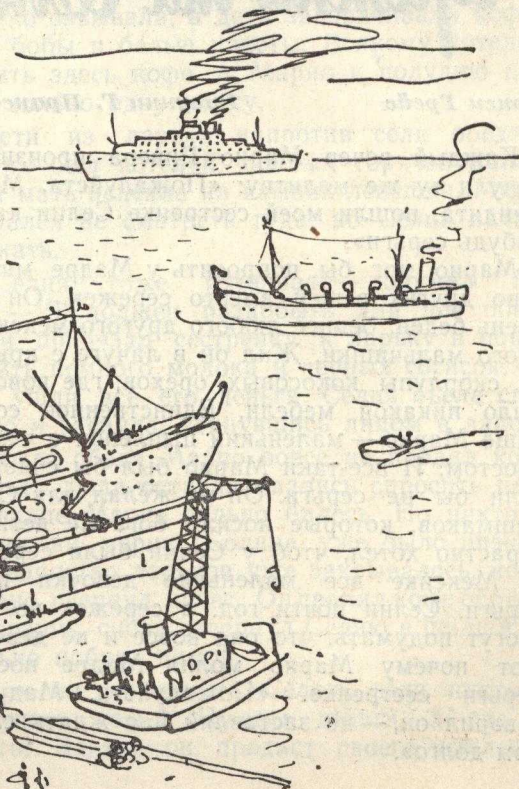

Автомобили перевезут в два раза больше грузов, а автобусы в три раза больше пассажиров, чем теперь. Для автомобилей построят в три раза больше дорог, чем за предыдущие семь лет.

Самый быстроходный транспорт — авиация. Авиопассажиров уже сейчас много, а в конце Семилетки станет в шесть раз больше.

Гражданская авиация — от скоростных многоместных лайнеров „ТУ“ до „воздушных такси“ — вертолетов — перевезет десятки миллионов человек.

НА ЗЕМЛЕ, В НЕБЕСАХ И НА МОРЕ... ДЕНЬ И НОЧЬ МЧАТСЯ ПОЕЗДА, БЕГУТ АВТОМОБИЛИ, ПЛЫВУТ КОРАБЛИ, ЛЕТАЮТ САМОЛЕТЫ. ЭТО — ТРАНСПОРТ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ОН ПОМОГАЕТ НАМ ВЫПОЛНЯТЬ СЕМИЛЕТКУ.

Сережки для Селии

Нэнси Грейс

Рисунки Г. Праксейна

Каждый вечер Марио Ривера произносил одну и ту же молитву: «Пожалуйста, Мадре Бендита, пошли моей сестренке Селии какие-нибудь серьги».

Марио мог бы попросить у Мадре множество других вещей вместо сережек. Он был очень беден, беднее любого другого мексиканского мальчишки. Жил он в лачуге с крышей из скорлупы кокосовых орехов, где вовсе не было никакой мебели. Единственное сокровище Марио — маленький цыпленок с черным хвостом. И все-таки Марио был бы счастлив, если бы не серьги. Он не желал для Селии башмаков, которые носили богатые дети, но страстно хотел, чтоб у Селии были сережки. В Мексике все маленькие девочки носят серьги. Селии почти год, а сережек все нет. Могут подумать, что она вовсе и не девочка. Вот почему Марио молил Мадре послать серьги сестренке. «Пожалуйста, Мадре, — говорил он, — не заставляй нас ждать слишком долго».

Но вот однажды случилось такое, что заставило Марио забыть о серьгах: мать ушла на базар и не вернулась домой.

Марио сидел вместе с Селией на ступеньках, глядя на длинную дорогу, сбегавшую с холма. Дорога вела в деревню. Марио был там с матерью раз или два — ходили продавать свое кофе.

«Большая деревня, — подумал Марио, — и она полна всяких удивительных чудес. Там есть люди, ослы, а иногда можно увидеть даже автомобиль».

Мать Марио говорила, что автомобили не живые, но Марио не очень в это верил. Они так быстро мчатся по улицам и рычат, как настоящие тигры. Он всегда прятался за спину матери, когда видел автомобиль. Но чаще всего, вот как сегодня, мать оставляла Марио дома присмотреть за сестренкой.

Солнце спряталось за холмы, и воздух стал холодным, а мать все не шла. Марио накормил Селию и уложил спать. А сам еще долго сидел на ступеньках, ожидая.

Когда стало совсем темно, он вошел в дом и улегся рядом с Селией на соломенной подстилке.

Проснулся, когда утреннее солнце уже сияло в открытую дверь. Марио выскочил из дома, чтобы скорее увидеть мать, пьющую у огня кофе. Но во дворе никого не было. С тяжелым сердцем Марио стал греть молоко и кофе для Селии.

Этот день показался Марио длинным. Он работал, как обычно, в кофейной роще, срывая бобы, которые уже стали совсем красными. Но работа не шла ему на ум. Четыре раза Марио убегал из рощи — посмотреть, не идет ли кто вверх по тропе.

«Если мама не вернется сегодня, — сказал он Селии, — не знаю, что ты будешь есть».

Мать не пришла.

На третье утро он вышел на крыльцо и вдруг увидел что-то движущееся по дороге. Марио со всех ног побежал к подножию холма, но в следующую секунду увидел: это автомобиль!

Зачем бы автомобилю ехать сюда?

Марио стоял и наблюдал. Машина медленно ползла вдоль дороги. Она поворачивала то сюда, то туда, петляя между камнями и деревьями, и все продолжала взбираться на холм.

Внезапно Марио понял, что это значит. Его мать умерла, а эти люди едут, чтобы взять Селию в приют.

Мгновенно Марио решил, что надо делать. Вбежал в дом, схватил Селию и кинулся к кофейной роще. Он бежал пока мог, потом

шел и, наконец, добрался до той части рощи, где деревья росли особенно густо. Цыпленок следовал за ним, прыгая и хлопая крылышками, будто он тоже боялся приюта.

— Пошли, — сказал ему Марио, — Селия тобой займется.

В кофейной роще Марио развязал веревку, которую всегда носил на животе, потом обвязал ею Селию, а другой конец замотал вокруг толстого ствола.

— Не бойся, — сказал он. — Я к тебе приду.

Затем вернулся домой.

Это было даже ужаснее, чем он ожидал. Когда автомобиль приблизился, Марио увидел, что в нем сидят американцы, янки, мужчина и леди.

Марио стоял без движения, ожидая, когда они заговорят.

Люди вышли из машин. Женщина была высокая, на длинных ногах, и в очень коротком платье. Если бы Марио не был так испуган, это бы его здорово рассмешило.

— Это ты Марио Ривера? — спросил мужчина.

— Нет, — сказал Марио.

— А ты можешь сказать, где Марио Ривера?

— Он больше здесь не живет, — сказал Марио. — Он уехал далеко-далеко...

— Куда он уехал?

— Он уехал в... — Марио подыскивал самое отдаленное место, которое знал, — уехал в Калифорнию...

Мужчина и женщина переглянулись.

— У тебя есть маленькая сестра Селия?

— Нет, — сказал Марио, — я один с отцом и матерью.

Отца у Марио не было.

Тогда люди из приюта заговорили между собой по-английски. Женщина говорила много, а мужчина часто кивал головой.

Марио понял только, что говорили о нем.

Он не спускал с них глаз. Может быть, они заметили Селию с дороги и знают, что он лжет? Может быть, они заглянут в рощу и найдут ее? Тогда они отвезут Марио в тюрьму за его ложь.

Когда они перестали говорить, мужчина обернулся к Марио.

— Спасибо, — сказал он. — Мы ошиблись. Мы думали, ты — Марио. — И они пошли вниз по тропинке к своему автомобилю.

Марио проследил, как они сели в машину и съехали с холма. Когда они совсем скрылись из виду, он поскакал через рощу, как кролик. Отвязал Селию, посадил ее на плечо и понес домой. Если у него нет отца и матери,

то все же есть Селия. И он исполнил какой-то странный танец.

Был ясный день. Марио поднялся очень рано, чтобы отправиться на базар. Он привязал Селию к себе на спину, завернув ее в шаль, повесил корзинку с кофе на руку и начал спускаться с холма. Селии нравилось, что ее несут, и она сидела очень тихо.

Марио шел быстро. Он гордился, что идет один продавать кофе. По деревенской дороге спешили на базар и другие люди. У одной женщины на голове было несколько связок лука, другая тащила свинью на длинной веревке, два маленьких ослика простукали копытцами мимо, почти скрытые ворохом зеленого сена.

Один раз проехал автомобиль, и все люди отпрянули. «Берегись!» — кричали они. Марио закрыл глаза и крепко держал Селию, пока автомобиль не проехал мимо. Потом пошел дальше и скоро добрался до того места, где продавали кофе.

Он разыскал мамин ларек и поднял навес. Затем посадил Селию на землю — играть, и стал ждать, когда кто-нибудь купит у него кофе.

Все больше и больше людей шло по базарным улицам. Они несли на головах корзины и то и дело останавливались поговорить, посмотреть на товары. Напротив Марио в кофейном ларьке торговала целая семья. Мать громко зазывала, а дети заворачивали кофейные бобы в белые пакеты. Всякому хотелось купить здесь кофе. А Марио к полудню продал только одну мерку.

Дети из ларька напротив сели обедать. У них был котелок, полный горячей лапши, а их мать испекла на камнях лепешки. Марио старался не смотреть туда, но Селия начала плакать.

«Селия тоже голодная, — подумал Марио. — Я должен раздобыть для нее обед».

Он привязал сестренку к ларьку и пошел купить немного молока и черных сосисок. На это ушли все его деньги. Селия съела свою долю и заснула, уткнувшись лицом в ладони.

После обеда Марио вовсе не продал кофе. Иногда люди останавливались спросить цену, и сердце Марио сильно билось. Но никто не купил ни мерки. Солнце уже было низко и большинство ларьков уже закрывалось, когда Марио свернул навес. Он свалил кофе обратно в корзину, снова завернул Селию в шаль и печально побрел домой.

Как же накормить Селию, если никто не покупает кофе? Нужны деньги, а где их взять? Завтра он продаст своего цыпленка.

Селия будет по нему скучать, но делать нечего, Селии нужно молоко.

Как это тяжело, жить без матери и отца! Марио изо всех сил старался не заплакать в эту ночь, укладываясь на полу с Селией.

На следующее утро, когда он опять собирался идти на базар, снова явились амери-

размалывания зерна и циновки, на которых сушилось кофе. Затем втащил соломенную швабру и цыпленка. Пусть американцы подумают, что он ушел.

Автомобиль проехал по холму уже полпути, когда Марио изнутри накрепко закрыл старую дверь на замок.

канцы. Машина их была далеко внизу, когда Марио заметил, как она повернула и начала подъем.

«Едут за Селией!» Марио уронил кофейные бобы на землю и стоял в растерянности. Потом схватил горшки, лежавшие перед домом, и вбежал в дом. Он внес камень для

Селия все еще спала на своей подстилке. В домишке не было окон, и дневной свет проникал через пролом над дверью. Марио прислушался. Не слышно было ни звука. Он уже собрался посмотреть, где же машина, когда раздались шаги и стук в дверь.

— Марио! — закричал кто-то.

Марио узнал голос мужчины, который хотел забрать Селию.

Стук повторился, на этот раз громче, дверь задрожала.

Марио на цыпочках пересек комнату. В стену был воткнут отцовский охотничий нож. Мать иногда срезала им ананасы. Марио снял нож и тихонько прокрался обратно к двери. Когда люди войдут, он испугает их. Если размахивать ножом, вид будет очень свирепый. «Убирайтесь! — крикнет он. — Я сам останусь с сестрой. Я не хочу быть один».

Старая дверь трещала и скрипела. Толкали ее основательно. Внезапно дверь распахнулась, и американец чуть было не упал на пороге.

Марио вытаращил глаза, потому что за спиной американца, опершись о дерево, стояла мать.

«Она изменилась», — подумал Марио. На ней была новая шаль, а одна нога завернута во что-то белое.

— Мама, — сказал Марио, — ты не умерла? Мать рассердилась.

— Конечно, я не умерла! Почему ты сказал, что Марио уехал в Калифорнию? И что у тебя в руке, и куда ты дел все циновки для кофе и горшки?

— Я прятал Селию, — сказал Марио. — Не хочу, чтобы эти люди увезли ее.

Мать улыбнулась:

— Они приехали не для того, чтобы увести

Селию. И вчера они приезжали, чтобы сказать тебе, что я попала под их автомобиль.

Марио опустил нож. Он повернулся к мужчине, побледнел и сказал:

— Знаете, Марио не уехал в Калифорнию. Это я — Марио.

Оба приезжих изумленно глядели на происходящее. Мужчина тяжело дышал, а высокая леди выглядела очень испуганной. Она медленно пятилась с холма, и глаза ее были прикованы к охотничьему ножу.

Когда чужие ушли, Марио почувствовал себя значительно лучше. Он сбегал в дом и принес кофе, а затем развел огонь. Мать сидела на ступеньке. Марио, Селия и цыпленок — рядом. Они смотрели на ее ногу.

Мать была печальна.

— Эти люди, — сказала она, — очень боялись, что я заявлю на них в полицию. Они дали мне деньги. Вот... — Она открыла кошелек и вытащила несколько песо и маленькие сережки.

— Сережки для Селии... — сказала мать. И почему-то вздохнула.

Селия потянулась к серьгам и засмеялась, а Марио медленно пошел в дом. Он опустился на колени перед алтарем и сказал все молитвы, которые знал.

— Мадре, — шептал Марио, — пожалуйста, забери эти серьги обратно и сделай так, чтобы нога у мамы была здоровой, чтобы она никогда не попадала под автомобиль и к нам в дом больше никогда не приезжали американцы.

Перевела с английского Э. Вольнова

РЕКОРД ВЕЖЛИВОСТИ

С. Погореловский

Вот кто вежливость у нас
Проявил на деле:
Он в полночный тихий час
Поднял мать с постели.

— Что с тобой? —
Вскочила мать, —
Заболел, сыночек?..

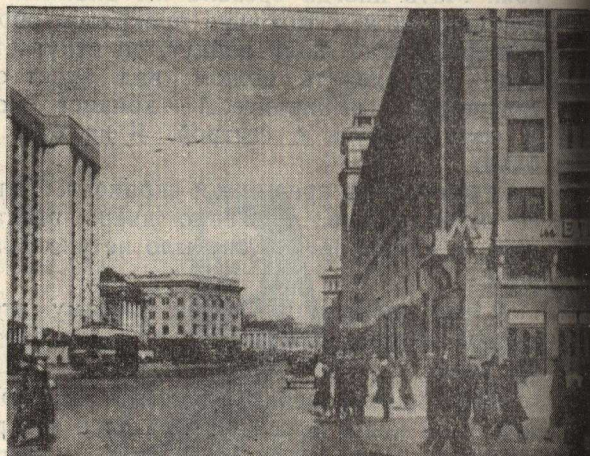
— Я забыл тебе сказать:
„Мама, доброй ночи!“

ЗАЧЕМ Я СОБИРАЮ ОТКРЫТКИ

Н. Тагир

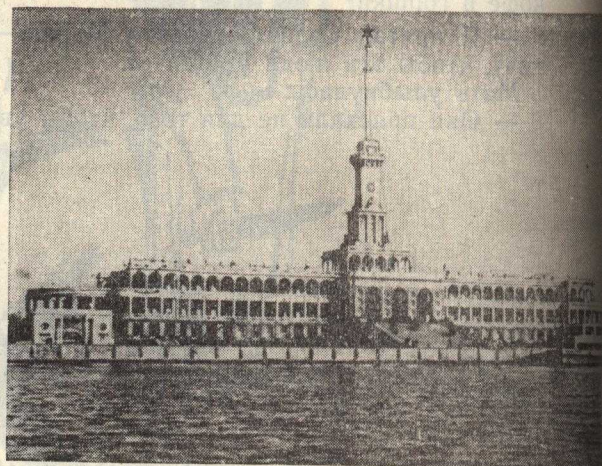
Охотный ряд в дореволюционной Москве (1907-год)

Станция московского метро «Охотный ряд» (1937-год)

Теперь на этом месте разлилось Московское море

Химкинский речной вокзал.

Хотите познакомиться с животными индийских джунглей, высокогорных областей Памира или далекой Антарктиды? Или вы предпочитаете любоваться знаменитыми полотнами прославленных художников? Или портретами великих людей всех народов и времен? А разве не любопытно предпринять прогулку в про-

шлое, например, в древний Египет или Рим, и посмотреть развалины древних храмов?

А может быть, вам захочется пройтись по улицам незнакомых городов — будь то столица Исландии Рейкьявик или самый южный город Австралии — Кейптаун?

Что же, я могу предложить вам

на выбор любую из этих увлекательных прогулок. Нас не остановит то, что нет еще такого всемирного зоологического сада, где собраны животные всех стран, и то, что многие картины хранятся в музеях всего мира. Мы совершим любую экскурсию, не выходя из комнаты, и помогут нам в этом открытки. Да, самые

обыкновенные почтовые карточки, которые можно купить в любом газетном киоске, найти в каждом доме.

В юности я увлекся собиранием открыток. Это произошло случайно. Сначала искал открытки с видами тех мест, куда страстно желал поехать, и пренебрегал всеми остальными. Потом постепенно стал собирать все подряд. За тридцать семь лет мое собрание разрослось до четырехсот тысяч штук. И теперь коллекция находится под охраной государства.

Эта своеобразная энциклопедия хранится в четырех тысячах одинаковых альбомов. «География» — открытки подобраны по отдельным странам и городам. Есть отделы «Искусство», «История», «Промышленность и техника». В коллекции есть и альбом курьезов, в нем собраны открытки необычной формы, например, в виде альпинистского сапога, открытки из дерева, металла, кожи, материи, пластмассы, даже из человеческих волос и птичьих перьев; светящиеся, пишущие; открытки с наклеенными на них крохотными граммофонными пластинками — это открытки недалекого будущего, когда каждый сможет послать по почте «говорящий» привет.

Что же столько лет увлекает меня так сильно при создании моей коллекции?

...Как-то давно я с родителями приехал в совершенно чужой, незнакомый город. Они не знали куда идти дальше, а я показал им, как выйти в центр, и «узнал» многие дома и улицы. Удивлению родителей не было границ. А все объяснялось просто: я ознакомился с городом задолго до приезда — по открыткам. Они послужили мне путеводителем.

Незадолго до войны ко мне обратился режиссер киностудии «Ленфильм» и полушутя, полусерьезно заявил: «Без вашего участия мы не можем снимать фильм об Антоне Павловиче Чехове!»

Я решил, что он шутит. Я, правда, кроме основной специальности искусствоведа, увлекался еще альпинизмом, был моряком-радиостом... Но киноактером!

Оказалось, что киноактер Тагрин и не нужен. Чтобы восстановить на экране облик старого Таганрога, где жил в детстве Чехов, потребовались документы. И киностудия не нашла лучших, чем мои двести таганрогских открыток.

Другого режиссера, постановщика спектакля «На дне», заинтересовало, как были загримированы и одеты прославленные актеры МХАТа во время первой постановки этой пьесы Горького. И опять помогли мои аль-

бомы — в них сто пятьдесят открыток со всеми мизансценами этого спектакля!

Несколько лет назад пришла ко мне неожиданная гостья — дочь Александра Степановича Попова, изобретателя радио. Она рассказала мне, что разыскивает для музея имени Попова при Электротехническом институте снимок с видом по-

...Первый трамвай прошел в Петербурге там, где этого меньше всего можно было бы ожидать, — на Неве! Зимой, не один год, по льду прокладывались рельсы, и маленькие вагончики, совсем непохожие на нынешние, перевозили пассажиров с одного берега на другой. Отчетливый снимок такого вагончика сохранился на открытке.

Коллекция открыток хранится в четырех тысячах альбомов

селка Турьинских рудников на Урале, где родился ее отец.

То, что интересовало Екатерину Александровну, удалось найти в моих альбомах, посвященных старому Уралу. Екатерина Александровна с волнением разглядывала дорогие ей места, улицы, по которым отец еще мальчиком бегал в школу...

Однажды навестил меня известный исследователь творчества Владимира Маяковского, писатель Катанян. Он искал сатирические открытки с самыми первыми рисунками и подписями Маяковского, вышедшие в годы Первой мировой войны.

Помнится, я ответил, что у меня их нет. Без помощи московского гостя я, пожалуй, так и не узнал бы, что ошибаюсь: ведь на открытках нет подписи Маяковского. Мой посетитель, человек терпеливый, нашел в коллекции девятнадцать из двадцати открыток этой редкой серии.

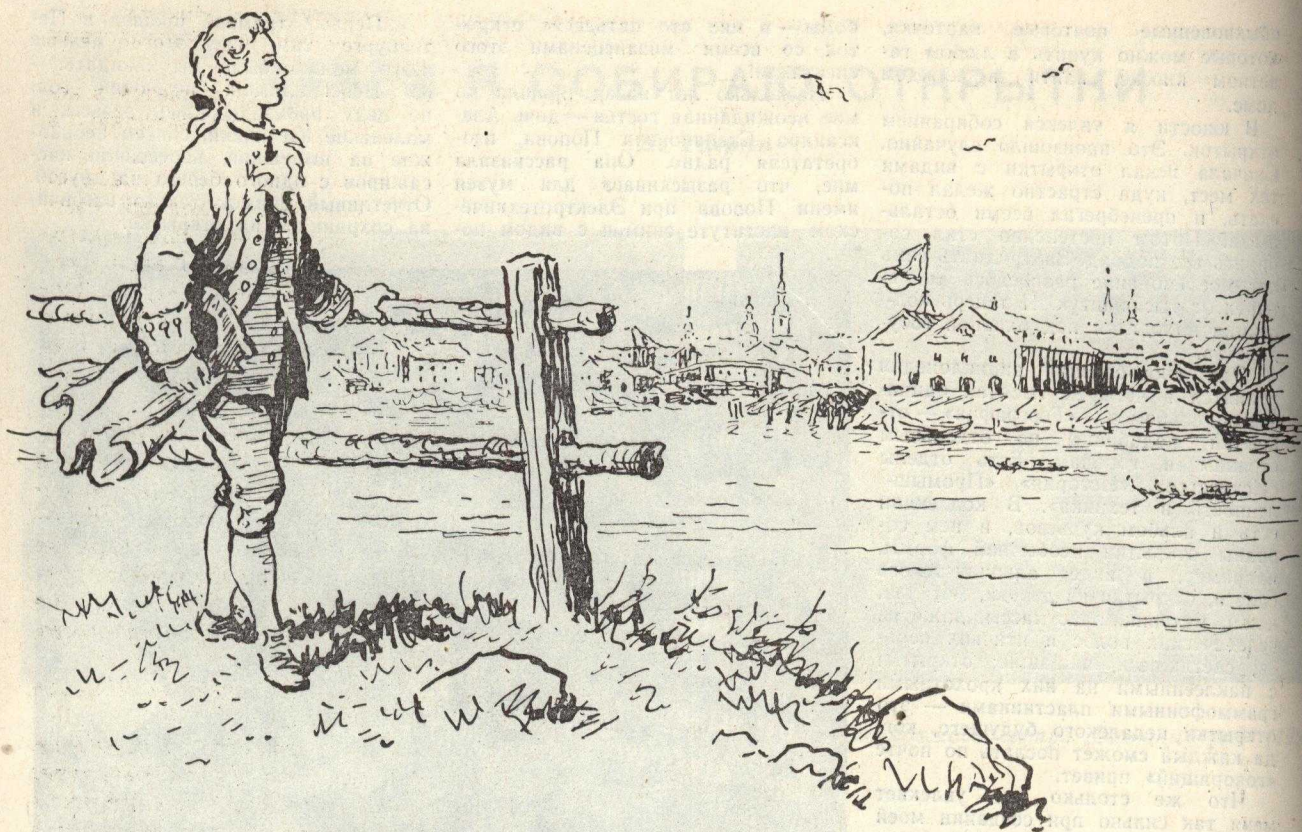
Обычно у собирателя есть тема, особенно им любимая. Для меня это — Ленинград, город, в котором я родился и живу.

В 1917 году Владимир Ильич Ленин выступал на митинге в цирке «Модерн». Этого цирка уже нет, он сгорел. По просьбе издательства я отыскал открытку с изображением цирка.

А вот обычная двадцатикопеечная открытка. Она отпечатана блеклыми красками на плохой бумаге. Дата выпуска — 18 января 1943 года, день прорыва блокады Ленинграда. Помню, на Невском, у Мойки, меня настиг жестокий артиллерийский обстрел, когда я бродил по городу в поисках этой открытки... Увы, так я тогда и не нашел ее...

Можно было бы перечислить множество самых разнообразных случаев, когда открытки оказались полезны людям.

Вот отчего я испытываю истинную радость, собирая открытки. Радость не от того, что открыток сегодня больше, чем вчера, — я не «рекордсмен». Сознание, что я могу быть полезен своим трудом, заставляет меня вновь и вновь возвращаться к трудной и кропотливой работе коллекционера.

ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ

Ж. Яновская

Рисунки Л. Коростышевского

Большой зал со сводчатым потолком и высокими узкими окнами старинного университета в Базеле полон народа. Лекцию читает знаменитый математик Иоганн Бернулли. Наклонившись над столами, студенты записывают.

За крайним столом справа сидит мальчик лет двенадцати-тринадцати. Бернулли замечает его и подходит к нему.

— Что ты здесь делаешь, малыш?

Мальчик встает. Лицо его заливают краска.

— Я хочу изучать математику. Разрешите мне слушать ваши лекции, господин профессор.

Иоганн Бернулли пожимает плечами. С каких это пор в университете стали учиться дети?

Профессор продолжает занятия. Теперь он дает задачу на новую теорему. Задача трудная.

Бернулли ходит между рядами и наблюдает, кто как справляется с задачей. Мимоходом заглядывает через плечо мальчика за правым столом. Сумел ли он хоть правильно записать условие? О решении, конечно, и речи быть не

может. Но что такое? Малыш решил задачу, и, кажется, верно! Кто этот мальчик, откуда он, как его зовут?

* * *

Погожим майским утром 1727 года у петербургской заставы остановился возок. Из него вышел совсем еще молодой человек с худощавым энергичным лицом, на котором порядком выдавался нос и живыми искрами поблескивали чуть выпуклые глаза. На ломаном русском языке приезжий объяснил, что едет из Швейцарии, и предъявил документы на имя Леонарда Эйлера.

Караульный начальник взглянул на бумаги, взял с извозчика три булыжника — налог для строительства города, — и возок проехал дальше, по Невской перспективе. Эйлер с интересом смотрел на Петербург. Здесь все было иначе, чем в Базеле: и прямые широкие улицы, и строящиеся корабли.

Он вспоминал детство, гимназию и тот день, когда тринадцатилетним мальчиком он впервые переступил порог университета. Тогда, после лекции, профессор Бернулли позвал его к себе и с тех пор стал его учителем и другом.

Окончен университет. В шестнадцать лет получена ученая степень. Так хочется работать! Но где? В его родной Швейцарии работы не находится. И вдруг пришло приглашение от русской Академии Наук. Какое счастье! Он быстро собирается и едет в Россию. Здесь начнется его настоящая жизнь, полная упорного труда, исканий и завоеваний.

* * *

Конференц-зал Академии Наук. За длинным столом, покрытым зеленым сукном, сидят важные академики в шитых золотом камзолах, в пудренных париках. Сообщение делает Леонард Эйлер.

Академики перешептываются, удивляются. У молодого ученого — большая судьба. Ведь не проходит ни одного заседания, чтобы он не выступал с чем-то новым! Огромное трудолюбие и талант. Но то, что он доложил сегодня, — поистине гениально. Новые приемы составления и решения уравнений! Они помогут найти ответы для многих задач в физике и технике.

Теперь, когда закончена большая работа, Эйлер позволит себе немного отдохнуть. По набережной Невы он возвращается домой. Мимо проплывают баржи, ялики, лодки. Вот крытая шляпка Академии направляется к Кунсткамере. Наверное, опять кто-то из иностранных гостей хочет осмотреть достопримечательности первого русского музея. Вдруг Эйлер останавливается.

По Неве движутся два ботика, похожие друг на друга. Но почему один ушел далеко вперед, а другой зарывается носом в воду и не может его догнать, несмотря на все усилия гребцов? Отчего так происходит? Наверно, второй ботик построен хуже первого.

Как строить корабли, чтобы они были на воде устойчивы, легки и быстроходны? Видимо, их следует заранее рассчитывать, придавать им определенные размеры и форму. А правил расчета нет...

Сегодня же он посмотрит, как приступить к этой работе. А отдых — когда-нибудь в другое время.

Проходят месяцы, годы, и Эйлер заканчивает большую книгу «Морская наука». В ней основа новой отрасли знаний — теории корабля. Теперь можно заранее, до постройки корабля, вычислить по чертежу все его элементы, найти центр тяжести и придать такой вид кораблю, чтобы он имел наилучшие мореходные качества.

Книга Эйлера переиздается во многих странах и становится незаменимым руководством при постройке судов.

...Иногда по вечерам Эйлер поднимается в небольшую астрономическую обсерваторию в башне Кунсткамеры.

Мерцают звезды на темном небе. Луна льет на землю свой голубоватый холодный свет. Эйлер смотрит в подзорную трубу. Его неудержимо влечет к себе звездный мир. Какой путь совершают планеты? Как движется Луна? Почему образуется хвост у комет? Человек может все познать, даже тайны далеких миров. Как знать, может быть когда-нибудь люди достигнут звезд!

Эйлер работает над проблемами астрономии. Он находит новые методы для определения пути планет, создает теорию движения Луны, по которой вычисляются лунные таблицы. Это — огромный подарок мореплавателям. Теперь не страшно ночью потерять правильный путь в море. С помощью лунных таблиц и измерения высоты Луны можно всегда определить местонахождение корабля.

Интересуют Эйлера и нерешенные вопросы механики.

Маленький сынишка Эйлера Иоганн-Альбрехт удивлен: отец взял его волчок, раскрутил и сосредоточенно наблюдает за его движением. На своей тоненькой ножке волчок вертится и не падает.

— А что если его ударить? — спрашивает отец.

— Тогда уж он упадет, — отвечает уверенно сын.

Но получается иначе. Волчок от толчка пальцем, как живой, отскакивает в сторону, и даже не в ту, куда направлен удар, а под прямым углом.

Мальчик озадачен. Почему так происходит? Отец смеется и забирает игрушку к себе в кабинет.

Много вдохновенного упорного труда затратил Эйлер, чтобы объяснить удивительное поведение волчка. Этими исследованиями он положил начало новому важнейшему разделу механики — теории движения твердых тел.

Сейчас волчок применяется во многих приборах. Гироскопический компас, который гораздо надежнее магнитного, авиагоризонт и указатель поворотов, помогающие летчику находить путь в слепом полете, торпеда, устойчиво сохраняющая направление на цель, — все они основаны на использовании волчка. А искусственные спутники, космические ракеты! Их устойчивость в полете тоже обеспечивается свойствами волчка.

Немало у Эйлера дел и по Академии. Чем только ему не приходится заниматься!

Только что он закончил статью для академического журнала. Теперь склонился над картой. Правда, он не географ, но для составления генеральной карты России срочно требуются расчеты, и его просили помочь.

Другие ученые брались сделать эту работу за три месяца. Эйлер изобрел новый метод расчета и закончил вычисления за три дня. А на очереди — учебник по арифметике, который он пишет для гимназии.

Только однажды Эйлер отказался от предложенного ему «задания»: его просили предсказать по звездам судьбу царевича Ивана, наследника престола. Не помогли даже уговоры императрицы.

Как-то восхищенный трудами Эйлера прусский король спросил:

— Откуда у вас столько премудрости?

— Всем обязан пребыванием в Петербургской Академии Наук, — ответил Эйлер.

* * *

Эйлеру около шестидесяти лет. Теперь заболел левый глаз. Врачи запрещают Эйлеру работать. Такого удара ему не перенести. Он обязан записать те бесчисленные мысли, вычисления и решения, которые теснятся у него в голове!

...Начинают болеть глаза. Они не выдерживают такого напряжения: ведь это изо дня в день! Эйлер слепнет на правый глаз. А работает по-прежнему много.

Как когда-то его учитель Бернулли, Эйлер преподавал математику. У него занимаются первые русские студенты-математики. Эйлер не из тех иностранцев, которые говорят, что «из русских ни ученых, ни художников быть не может». Он с похвалой отзывался о работах Ломоносова, изобретениях Нартова и Кулибина.

Ученый пробует работать немного, вполсилы. Занимается тайком от домашних. Строчку за строчкой, страницу за страницей лихорадочно покрывает формулами и выкладками.

А болезнь все тяжелее. Эйлер теряет зрение полностью и навсегда.

Наступает ночь. Эйлер не различает лиц своих близких, не видит написанного, не может читать... Если даже утихнут боли, разве сумеет он теперь производить сложные вычисления, проверять их, сличать с тем, что было напи-

сано им раньше или что сделано другими учеными? Конечно, нет. Так думали все. Эйлер не согласился с этим.

Как жить без любимой работы? Каждый человек должен совершить то, к чему он призван. И, как только состояние немного улучшается, Эйлер начинает работать.

Неимоверным усилием воли напрягает ученый свою память и воображение и делает в уме сложнейшие вычисления и выкладки. Затем диктует их окружающим — своему старшему сыну Альбрехту, теперь тоже математику, своим ученикам — Головину и Фуссу, иногда — даже мальчику-слуге, никакого понятия не имеющему о математике. Эйлер старается помедленней, поясней выговаривать слова, он сам, не видя, показывает, как пишутся отдельные буквы и знаки в математике. Так создается «Алгебра» Эйлера.

Позже Эйлер научился сам записывать свои мысли. В его комнате поставили большой стол, покрытый грифельной доской. Весь день художавый старик прохаживался вокруг стола, обдумывая свои соображения. Чтобы не упасть,

он рукой придерживался за край стола, отчего тот впоследствии становится гладким, как полированный. Время от времени Эйлер наклоняется над столом и пишет мелом на доске, делает вычисления. Не сразу, но он научился писать так, что строчки не находили одна на другую. Затем ученики Эйлера переносят эти записи в тетрадь.

* * *

Вся жизнь Эйлера — великий подвиг. Какая сила воли нужна была, какая огромная любовь к науке, чтобы совершить то, что сделал он. Перу Эйлера принадлежит около восьмисот работ, почти половину из них он написал уже совершенно слепым.

Умер Эйлер в сентябре 1783 года. «Эйлер перестал вычислять и жить», — сказал про него один из современников.

Прошло около двухсот лет. Но числа Эйлера, теоремы Эйлера, углы Эйлера, уравнения Эйлера навсегда остались в математике и механике. И, кажется, нет такой области в точных науках, где бы не упоминалось имя Эйлера.

КОСМИЧЕСКАЯ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ

Вы, наверно, обратили внимание на такие слова, когда читали о советских космических ракетах и спутниках: «...электропитание бортовой и радиотехнической аппаратуры осуществляется от солнечных батарей и химических источников тока...»

А вы не задумались, почему от того и от другого?

В самом деле: солнечные батареи в работе безотказны. Солнце светит, лучи его падают на полупроводниковые фотоэлементы и передают свою энергию электронам — заста-

вляют их двигаться по проводам. Для чего же еще понадобились химические источники тока?

Без них ракете не обойтись по двум причинам.

Во-первых, многие ее приборы работают не постоянно, а временами, когда должны выполнить предусмотренное программой. Зато тогда они потребляют электроэнергию в большом количестве, — большем, чем могут дать батареи. Вот тут и приходят на помощь аккумуляторы, от-

дают сразу все, что накопили за время паузы.

А во-вторых, солнечный свет падает на батареи не всегда. Ракета может зайти в тень Луны или Земли или просто повернется в полете так, что сама закроет себе Солнце. Откуда брать тогда электричество? Опять от аккумуляторов, от «копилки».

Такова «космическая электростанция» — устройство, в котором физика и химия пришли на помощь друг другу.

О. Сорокин

ШАШЕЧНЫЕ

приключения

СЕНИ КЛЕТОЧКИНА

Отдел ведет мастер спорта СССР
Б. Герцензон

Ребята! У нас есть шашечная секция!

Это говорю я, Клеточкин. Кто читал четвертый, шестой и восьмой «Костер» этого года, тот меня знает.

Я эти номера тоже читал. Ничего, правильно написано. Прихвастнуть я любил.

Да, так вот — о секции.

Сперва нас было всего пятеро.

Но тут вышла одна история. Наша школа проводила совместную спартакиаду с соседней школой. Все виды спорта шли в зачет. Шашки — тоже.

И вот, понимаете, по всем видам получилась полная ничья. Равенство сил. А шашки были отложены на самый конец. И вышло так, что все зависело от самой последней партии.

Играл наш самый маленький шашкист Тосик Соловьев. Позиция была такая:

Шашкист из соседней школы сыграл 1. ... e5 — d4.

Тосик ответил 2. b2 — c3. Его противник побил 2. ... d4 : b2. А надо сказать, что играли мы в актовом зале, и ребят набилось — не протолкнуться. И когда Тосик отдал шашку, поднялся страшный шум. Тосик даже немного побледнел от волнения. Но продолжал играть: 3. e3 — d4 c5: e3; 4. e1 — f2 a3: c5; 5. f2 : a1.

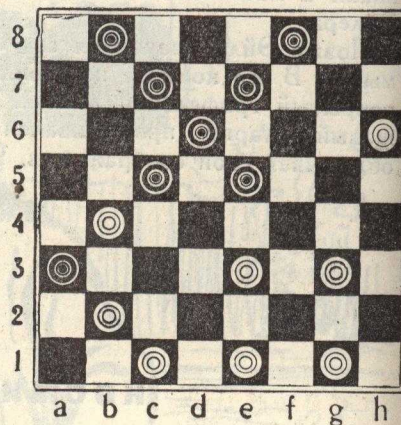
И тут, понимаете, его противник встает и пожимает Тосику руку. А сам красный, как помидор.

Что тут началось! Нас трясли, обнимали, качали, особенно Тосика. С этого дня шашкистов стали очень уважать, а секция сразу выросла в четыре раза.

Прежде время подвигалось как-то медленно. Но как только секция заработала по-настоящему, дни так и побежали. Не успели мы оглянуться, уже год кончился.

Пора мне с вами прощаться.

С Новым годом, товарищи шашкисты. Я, Сеня Клеточкин, от имени всей нашей секции жму вам руку!

Я сегодня тем и знаменит,
Что на каждой клеточке побит,
Мне, увы, гордиться нечем,
Проиграл подряд все встречи.
Надо мною шутит весь отряд,
Все друзья с улыбкой говорят:

«Ты силен у шашечной доски!
Чемпионом будешь... в поддавки!
И заметим без утайки:

Был ты попросту зазнайка!
Нос не в меру кверху задирал,
А дошло до дела — проиграл!»

Знаю я теперь один секрет
И могу друзьям подать совет:
Никогда не зазнаваться,
Каждый день тренироваться, —
И тогда грядущий новый год
Вам побед немало принесет!

Рассказы Верочки Рябининой

М. Шургин

Рисунки К. Савкевич

1. Настасья Ивановна

Глаза у Настасьи Ивановны — словно голубые прозрачные камешки, лапы — желтые, с перепонками, на кончике носа — розовый нарост, вроде человеческого ногтя, чтобы удобнее было клеваться.

На нашем дворе она сразу же почувствовала себя хозяйкой. Стоило войти к нам кому-нибудь из соседей, как гусыня вытягивала шею над самой землей и, шипя, как проколота шина, вперевалочку бежала навстречу. Все боялись нашей Настасьи Ивановны.

— Дай ей кусочек хлеба, Верочка, — посоветовал мне папа, — и она будет дружить с тобой.

Настасья Ивановна быстренько съела хлеб и вытянула длинную шею к моим ногам: «Га-га-га!» Но не клонула. Попятилась. Задрала голову вверх: «Га-га-га! Га-га-га!»

— Еще? — догадалась я. — Принесу и еще. Только ты не клейся больше. Ладно?

С тех пор, выходя на улицу, я каждый раз брала с собой корочку хлеба. Настасья Ивановна бежала ко мне, переваливаясь на неуклюжих лапах, и кричала то тихим, то пронзительным голосом. Папа сказал правду: мы скоро подружились с ней.

Зато гусыня терпеть не могла соседского мальчишку Сережку Романова. И не раз щипала его даже до черных синяков. Я в то время тоже недолюбливала Романова: очень боялась за свою куклу Анюту. Сережке страшно хотелось узнать, отчего у нее глаза закрываются.

Папа только посмеивался, слушая мои жалобы:

— Ты уж как-нибудь сама договорись с ним,

Верочка. Я давеча у него, шельмеца, гвоздь в руках видел... Береги свою Анюту!..

А как с этим Сережкой договоришься? Одно спасение — заплакать. Как только я зажмурю глаза и разину рот пошире, он прыг через забор. Только его и видели!

— Плакса! — кричит уже издали. — Ябеда! Нужна мне твоя дрянная кукла!..

Я всегда смотрела за Сережкой в оба, но однажды сплеховала: забыла Анюту в палисаднике и вспомнила о ней только вечером, когда ложилась спать.

Тут я заплакала и как была, раздетая, босиком, побежала на улицу.

Сережка сидел на заборе, не решаясь спрыгнуть в наш палисадник: внизу, вдоль забора, бегала Настасья Ивановна:

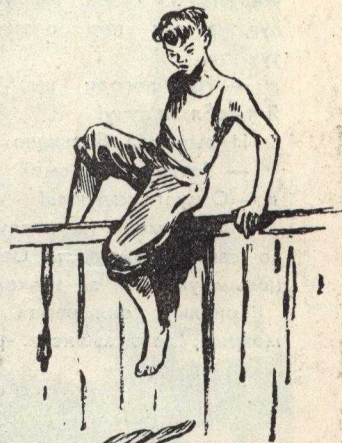
— Га-га-га! — кричала она во всю глотку. — Га-га-га!

Мол, только спрыгни, разбойник! Вот только спрыгни! Такое тебе пропишу!

Я посмотрела на Анюту, потом на Сережкино растерянное лицо и засмеялась от радости.

— Что, взял?.. Ну-ка попробуй, спрыгни!..

Так моя кукла осталась цела и невредима, хотя у Сережки — сам потом признался — уже и гвоздь был припасен в кармане...

2. Субботка и Вовка

Телочку Субботку папе подарили, колхозники, когда наш папа стал работать зоотехником в колхозе «Рассвет».

Случилось это осенью. За зиму Субботка подросла, на лбу у нее выросли две серые костяные шишечки — будущие рога.

— Добрая будет корова! — нахваливал ее папа.

Наша Субботка была очень смирной, простодушной и вечно что-то жевала. Ляжет, глаза прикроет и жует, жует...

— Му-у! — зовет, бывало, она маму, стоя под окошком. Будто говорит: «Ну-уу! Хочу вкууууусенького!..»

Мама напоит ее мучной болтушкой и велит Вовке свести телку в стадо. А брату это страшно не нравится.

— Лучше я от молока откажусь, чем каждое утро ее в стадо гонять, — говорил он. Но с мамой ведь не поспоришь.

Летом, надо сказать, у Вовки дел было по горло. Он еще с весны попросил сшить ему особые трусики — синие с красными полосами по бокам. Все мальчишки нашего конца деревни щеголяли в таких трусиках. Это форма футбольной команды. А Вовка был капитаном.

Брат очень гордился своим званием и с большой неохотой отрывался от футбольных дел. А тут еще на его беду скотину стали одолевать слепни, большие, назойливые. Субботка очень их боялась и часто убегала из стада. Не успеет Вовка пригнать ее на луг, а уж под окошками раздается: «Мууу! Я туу-ут».

— Ну погоди же, негодная! — сказал Вовка. — Я т-тебя проучу!

И выломал большую хворостину.

— Вовка! Не смей бить Субботку! — закричала я. — Отцу пожалуюсь!

Но он меня не послушал и вместе со своим приятелем Сережкой Романовым умчался за телкой.

Вернулись они через полчаса — оба мокрые, запыхавшиеся.

— Больше не прибежит! — Вовка показал мне обломанную хворостину. — Проучили что надо!

— Э-эх, бессовестный! — сказала я. — Жаль, что Субботка не может отплатить тебе за это... Нашел чем хвалиться!

Я ушла в избу очень расстроенная и стала думать, как бы мне посчитаться с Вовкой. Но я ничего не успела придумать: под окнами вдруг послышался крик:

— Мама! Ма-ма!.. Смотри, что Субботка делает!

— Что там еще? — ответила мама.

А Сережка Романов в это время закричал:

— Вовка! Капитан!.. Она ведь твои трусики жует!

И точно: Субботка вернулась почти следом за ребятами и как ни в чем не бывало жевала висевшие на веревке трусики. Завидев мчавшегося к ней брата, телка задрала хвост и кинулась вдоль улицы, унося на рогах трусы. Вовка взвыл диким голосом и побежал следом за ней.

Вернулся он, плача во все горло: трусики его были мокрыми, выпачканными в пыли и все в дырах.

— Не кричи! — утешала его мама. — Я тебе сошью другие, а пока иди в старых черных трусах.

— Смеешься! — завопил брат. — Я же капитан!

Все еще плача, он напялил изжеванные трусики и побежал к ребятам. Сквозь дыры сверкало его белое незагоревшее тело.

— Так тебе и надо! — крикнула я из окошка. — Не будешь бить Субботку хворостиной!

НА ЛЫЖАХ

Марина Васильева, 7-й класс

СНЕГИРИ

Витя Итальянцев, 2-й класс

За мир, покрытый садами

А. Страхов

Рисунки А. Януса

Эту страну называли когда-то Страной цветения вишен.

Еще ее называли Страной восходящего солнца.

Теперь ее зовут страной Хиросимы.

Послушайте, что случилось недавно в Японии. Сасаки Садако, японская школьница, заболела лучевой болезнью. Может быть, она была в Хиросиме в 1945 году, когда там взорвалась американская атомная бомба, а может, заразилась, когда в Тихом океане испытывали водородное оружие.

Так или иначе, она заболела, а лучевая болезнь очень тяжелая, почти всегда смертельная.

Сасаки Садако лежала в больнице и думала о том, что скоро умрет. От этого ей становилось еще хуже. И доктор, чтобы хоть немного отвлечь девочку, сказал:

— Сасаки, есть одно верное средство. Надо сделать тысячу бумажных журавлей. Точно таких же, как священный журавль, живущий на земле триста лет. Тогда ты, может быть... Тогда ты непременно поправишься, Сасаки...

Девочке понравилось делать бумажных журавлей. Когда она брала в руки ножницы и бумагу, то забывала, что больна. Но болезнь по-прежнему делала

свое дело, и скоро Сасаки уже не могла сидеть в постели.

Тогда девочка написала письмо в свою школу и попросила помочь ей вырезать журавлей из бумаги — ведь до тысячи оставалось уже совсем немного.

О письме Сасаки узнала не только ее школа.

Через несколько дней вся палата Сасаки Садако была увешана гирляндами разноцветных журавлей. Журавли прибывали и прибывали. Их присылали ребята из детского дома, потерявшие родителей во время взрыва атомной бомбы в Нагасаки, маленькие рабочие из дымного города Осака, дети рыбаков с южного побережья.

Давно уже было больше тысячи журавлей. Скоро их стало десять тысяч, двадцать, тридцать, сто...

Когда в больнице набралось двести сорок тысяч журавлей из разных концов Японии, Сасаки Садако умерла...

Эту историю рассказали два японских художника — Тосико Маруки и ее муж Ири Маруки. Недавно они побывали в Советском Союзе со своими картинами.

Десять огромных картин-панно рассказывают о том, что увидели Ири и Тосико Маруки в Хиросиме через несколько дней

после того, как на город была сброшена атомная бомба.

Они приехали туда первым поездом, пришедшим после взрыва. Сначала они помогали спасать раненых и убирали мертвых. Целые дни проводили среди обожженных и оглушенных людей, лежавших на земле.

Первые рисунки Ири и Тосико Маруки сделали прямо здесь же, с натуры.

Потом они уехали и хотели забыть Хиросиму, вернуться к своим обычным делам. Но Хиросима не забывалась. Хиросима стояла перед глазами, требовала, чтобы правду о ней узнали люди.

Помните, как говорил Тиль Уленшпигель, когда мстил за своего отца Клааса, сожженного церковниками? Он говорил: «Пепел Клааса стучит в мое сердце...»

Эти слова придавали ему силы. Делали его непобедимым в борьбе за народное счастье.

С тех пор как Ири и Тосико Маруки стали свидетелями неслыханного преступления, — с тех пор пепел Хиросимы стучал в их сердца. Поведать всему миру о страшном несчастье, постигшем родину, стало целью их жизни.

В 1950 году они закончили несколько картин и решили по-

казать их своим соотечественникам. Но это оказалось совсем не просто. Американцы, которые после войны хозяйничают в Японии, как дома, не давали расклеивать афиши, запрещали снимать помещения для выставок. Художников, посмеявшихся рассказать правду об атомном взрыве, оккупанты обвинили в «оскорблении Америки»!

Но Ири и Тосико Маруки не остановились, не отказались от борьбы. Они продолжали писать свои картины. Сторонники мира помогали им устраивать выставки в городах Японии. Миллионы простых японцев, побывав на выставке «Хиросима», поставили свои подписи под воззванием Всемирного Совета Мира о запрещении атомного оружия.

Прошло десять лет. Ири и Тосико Маруки ни на один день не прекращали своей борьбы. Они побывали в Китае и в Западной Германии, в Англии и в Швейцарии, в Новой Зеландии и в Канаде.

И вместе с ними совершали свое шествие по земле страшные призраки Хиросимы. Женщина, пытающаяся накормить мертвого ребенка... Обезумевшие люди, объятые огнем... Трупы, облепленные мухами...

Они словно кричат, эти полотна: «Вот она такая, война! Смотрите, люди! Смотрите и не забывайте!»

Ни в одной стране народ не хочет войны. Ни в одной стране матери не желают смерти своим сыновьям.

В Японии и в Америке, в Греции и в Алжире простые

люди ненавидят войну и боятся ее.

Но, к сожалению, еще не везде дело решает мнение простых людей. Кое-где еще до сих пор куда больше значит, что думают банкиры, фабриканты и лавочники. А им-то война как раз по душе! Ведь чем больше люди будут воевать, тем больше им понадобится пушек, снарядов, бомб! Вот где можно будет набить карманы!

Только две семьи в Соединенных Штатах Америки, Дюпоны и Морганы, во время прошлой войны получили от торговли боеприпасами 14 миллиардов долларов. На эти деньги можно было бы накормить всех безработных, построить дома для всех, кого война оставила без крова. Но Дюпоны и Морганы распоряжаются деньгами иначе. Они снова делают бомбы, одну за другой, сотни, тысячи бомб. И ждут не дождутся, когда их снова можно будет продать, снова нажать миллиарды, еще больше разбогатеть. Им мало своих дворцов, машин и яхт, они хотят прибрать к рукам все богатства мира, все до последней нитки.

Фабриканты прямо не говорят о своих целях. Они выдумывают разные причины, чтобы побольше делать оружия. Наемные писаки строчат в газетах о «коммунистической опасности». Они уверяют, что если только завтра перестать готовить новые бомбы и пушки, то Советский Союз набросится на другие страны и не оставит от них камня на камне.

Но все меньше остается на свете людей, которые верят

этим сказкам. Все честные люди хорошо помнят, что самым первым декретом Советской власти был декрет о Мире, подписанный Владимиром Ильичом Лениным, помнят, сколько лучших сынов и дочерей нашей родины отдали свою жизнь за дело мира в борьбе с фашизмом.

Совсем недавно случилось событие, после которого продажным клеветникам и их хозяевам и вовсе пришлось туго.

В сентябре этого года в Соединенные Штаты Америки приехал Председатель Совета Министров СССР, Первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев.

...Когда глава Советского правительства поднялся на трибуну, в зале стало необычайно тихо. Все ждали, что же скажет Хрущев от имени великого советского народа.

Затихли люди не только в зале Организации Объединенных Наций.

Фермер из штата Айова замер у своего радиоприемника, боясь проронить хоть слово. Грузчики в Сан-Франциско прекратили работу...

Сотни тысяч людей Америки с напряжением смотрели на экраны телевизоров, склонялись к приемникам и ждали....

И Никита Сергеевич Хрущев сказал все то, что думают о войне советские люди, что думаем о ней мы с вами.

Что нужно немедленно прекратить гонку вооружений, — переплавить все пушки и танки, снаряды и торпеды, а металл отдать заводам и стройкам.

Что нужно немедленно ликвидировать все армии, военные министерства и генеральные штабы, — ведь если перестать тратить на них деньги, то сразу можно будет снизить цены на продукты и вещи, выстроить миллионы жилых домов.

Что мы хотим соревноваться с другими странами в том, кто больше построит для своих народов школ, больниц, театров, вырастит садов, что мы хотим ездить в гости к народам других стран и приглашаем их в гости к нам в Советский Союз.

Что мы проклинаем руины и пепел и хотим жить на земле, покрытой садами!

* * *

В Хиросиме, на горе Митаки, решили построить музей. В нем будут храниться картины Ири и Тосико Маруки. Они будут напоминать людям о страшном несчастье, постигшем японский народ.

А японские школьники уже поставили памятник Сасаки Садако, своей подруге, погибшей через много лет после войны.

У людей хорошая память. Они не забывают историю и ее суровые уроки.

Скоро в музеях появятся новые экспонаты: реактивные снаряды, военные мундиры, колючая проволока.

Музейным станет и само слово «Война». Когда-то грозное и злое, оно тихо доживает свой век в словарях и учебниках истории.

А на мирной и счастливой, покрытой садами земле будут спокойно жить и трудиться люди.

...что до начала XVIII столетия в России год начинался 1 сентября? Не новый учебный год, а просто новый.

Вместо елки в деревнях устраивали «обжимки» (происходит от слова «жать»). Сноп из ржи нового урожая наряжали в красный сарафан, повязывали платком и водили вокруг него веселые хороводы...

В 1699 году Петр I ввел исчисление года с 1 января. Многие были недовольны такой переменой. Удивлялись, — куда же девать оставшиеся до января месяцы: сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь.

Но спорить не приходилось. Царского указа ослушаться не смели. И получилось в 1699 году вместо двенадцати месяцев шестнадцать.

...что обычаю дарить подарки на новый год более двух тысяч лет и завели его римляне?

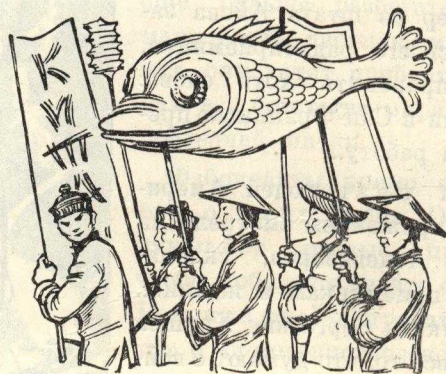
В первый день нового года они дарили друг другу фрукты, сласти и красивые безделушки. Более дорогие подарки получал сам император римский. Императорам этот обычай весьма нравился. Один из них даже издал постановление, по которому каждый житель Рима был обязан подносить подарок императору. Не много ли подарков сразу для одного человека? Как вы думаете?

...что еще в древнем Египте устраивали веселые новогодние маскарады?

Мужчины переодевались в женские платья, женщины — в мужские, надевали раскрашенные маски и плясали при свете факелов прямо на улицах.

Лет шестьсот назад своими маскарадами во всем мире славилась Венеция, город, где каналов больше, чем улиц. Венецианцы в маскарадных костюмах катались ночью на лодках, мосты и решетки каналов украшали гирляндами цветных фонариков, которые красиво отражались в воде.

...что не так давно Новый год в Китае назывался праздником Весны?

Теперь китайцы справляют Новый год так же, как в большинстве стран, 1 января. У нас в это время падает крупный снег, реки скованы льдом, а на юге Китая уже чувствуется весна, тает снег, набухают на деревьях почки.

Праздник Весны отмечают в Китае по-прежнему, в конце января. Вечером повсюду горят фонарики. Они сделаны в виде фруктов, овощей, зверей, рыб, на некоторых написаны смешные загадки.

В гости

Владимир Санги

Солнце вынырнуло из моря и своими горячими лучами растопило туман, пронизав воздух светом. Спокойное море заиграло бликами расплавленного свинца.

На песке узкой косы стоит старое нивхское селение Даги. Из накренившейся потрепанной бревенчатой избы, позевывая и потягиваясь, вышла старуха Керкук. Ее седые волосы топорщатся во все стороны, как иссохшая трава на болотной кочке.

Яркий свет больно ударил в глаза. В ушах словно зазвенела песня назойливого комара.

— Пъегг'лн, эгг'лн бупунан чиндохх вийдра! — сказала Керкук, обращаясь к людям, ушедшим в другой мир и теперь зовущим ее к себе. «Сперва понянчу внука, вот тогда и приду к вам», — так в старину говорили нивхи, когда звенело в ушах.

Высоко в небе жаворонок выводил свою бесконечную трель.

«Вот сегодня и отправлюсь к сыну!» — решила старуха.

Несколько лет назад жители Даги переселились в поселок Чайво, что находится в тридцати пяти километрах севернее по побережью Сахалина, и объединились с чайвинцами в один колхоз.

Старуха Керкук осталась жить у свекра.

— Наш залив не настолько обеднел, чтобы бросить его, — сказали старики, — он кормил наших предков, и нас будет кормить.

Каюры сообщали, что дагинцы прижились на новом месте хорошо. Рыбы и морского зверя добывали много. Родственники Керкук не забывали свою бабушку, присылали через проезжих людей вяленую рыбу — юколу и нерпичье сало.

И вот после долгой разлуки Керкук решила навестить сына, посмотреть жизнь на новом месте. В молодости она бывала в Чайво и дорогу помнила.

Договорилась идти со своей приятельницей, женщиной лет сорока. Прособирались они до полудня.

Керкук долго думала, какую обувь надеть. Сперва примерила нерпичьи торбоза с голе-

нищами до колен. Два дня назад она густо намазала их нерпичьим жиром, и теперь они блестели, совсем как кожаные сапоги у одного русского, который приезжал из районного центра зимой. Затем надела другую обувь, без голенищ, со вздернутым, как утиный хвост, носком. Такая обувь теперь стала большой редкостью. Старуха Керкук была уверена, что в Чайво во всех домах будут судачить об этом. На обеих женщинах были старые халаты, вылинявшие, со старинными узорами на рукавах и по подолу. Головы были повязаны цветастыми платками.

Забросив за плечи небольшие котомки с провизией и вооружившись обломками жердей вместо посохов, женщины бойко зашагали по утрамбованному морским прибоем песку.

Море спокойно и как бы нехотя посылало невысокие ряды валов. Волна с легким плеском наползала на косу и, шурша желтой пеной, отходила назад.

Над головами женщин то и дело пролетали чайки, а нерпы, заметив людей, отплывали подальше от берега.

Пройдя четверть пути, путешественницы решили передохнуть.

— Ух-ух... у-у-у... — вздохнула старушка облегченно и опустилась на полузасыпанное песком бревно. — А мы, подруга, быстро идем...

— Вечером будем чай пить в Чайво, — ответила та.

Как только в ногах спало напряжение, старухи продолжили путь. Теперь в их движениях уже не было прежней бойкости. Шаг стал короче и чаще. Посохи оставляли на песке глубокие следы.

Следующий привал сделали за большим мысом, ближе к Чайво. Быстро собрали валежник, развели костер, поджарили юколу.

Солнце уже скрывалось за горы. Пора было идти. Но что это? Приятельница Керкук посмотрела в сторону Чайво и вдруг как-то странно ойкнула, съежилась. Старушка Керкук взглянула туда, и ее бросило в мелкую дрожь. Такого страха она не испытывала ни-

когда. Может быть, ей показалось? Она осторожно повернула голову и в надвигающейся темноте опять ясно увидела горящие злым огнем глаза кинра.

Ее с раннего детства пугали чертом, но она никогда не поступала дурно. Что же такое она сделала теперь?

Вдруг Керкук схватилась за голову.

— Н'аффка, — с усилием выговорила Керкук, — мы нарушили обычаи своего народа. Страшная кара ждет нас.

Торопливо женщины достали из котомок остатки своей трапезы и, воскликнув «чух!», бросили в море.

— Прости меня, Тол-ызн, хозяин моря, — зашептала старуха Керкук. — Я никогда не нарушала обычаев. В последнее время память стала изменять, и я забываю многое,

чего нельзя забывать. Вот почему мы не накормили тебя, прежде чем есть самим. Прости нас.

Крошки юколы скрылись в надвигающейся волне.

Женщины поднялись на холм и, подойдя к кустарнику кедрового стланика, совершили тот же обряд, обращаясь теперь к Пал-ызн'у — хозяину гор. И, с чувством выполненного долга, но все же осторожно, они выглянули из-за укрытия. Впереди по-прежнему зло сверкали глаза кинра.

— О-о-о! — вырвалось у бедной Керкук.

Обе старушки забились в кусты и тесно прижались друг к другу. Кинр должен был вот-вот появиться...

Так они просидели всю ночь. Морской туман окутал все побережье, и женщин лихорадило не только от страха, но и от сырого холода, проникшего во все суставы.

С восходом солнца туман растаял. На этот раз кинр не наказал женщин. Подруги вышли на приливно-отливную полосу и продолжили свой путь.

Спугнутая людьми пестрая стая куликов с шумом поднялась и, описав над морем дугу, приземлилась впереди в нескольких сотнях шагов. Каждый раз, когда женщины подходили близко к птицам, стая дружно поднималась и летела вперед.

Вот за поворотом показался залив Чайво, на противоположном берегу которого расположен поселок. Кулики с радостным писком опустились на обнажившийся песчаный остров в устье залива и стали наперегонки шарить длинными тонкими клювами в иле, оставляя на нем замысловатые узоры. А женщины подняли палки с привязанными к их концам платками и стали размахивать ими.

Со стороны Чайво отошла нивхская долбленная лодка и скоро мягко уткнулась носом в прибрежный песок. Женщины увидели в лодке русского парня.

— Здравствуйте, мамыши! Садитесь, — пригласил он.

— Нет, я не хочу, чтобы меня перевозил этот мальчик, — категорически заявила старуха Керкук. — Мы перевернемся раньше, чем доедем до середины залива. Где это видано, чтобы русские умели править нашей вертлявой лодкой!

— Уйккра. Нельзя так говорить, — возразила спутница Керкук. — Разве ты не своими собственными глазами видела, как этот парень умело правил лодкой? Разве не мы обе думали, что за нами приехал нивх, пока не увидели парня в лицо?

После небольшой перебранки старшая уступила.

...В поселке гостей встретили любопытные ребятишки. Закатав штанины, они полезли в воду, чтобы вытащить лодку на берег. Потом дети повели старуху Керкук к дому ее сына.

Они минули несколько домов и высокое сооружение, на которое женщины обратили внимание еще с противоположного берега.

Это была высокая деревянная постройка с многочисленными пролетами, опирающимися на четыре столба. До самого верха зигзагами

шла лестница. А верхушка украшалась как будто красной бочкой. Старуха Керкук про себя отметила, что это сооружение как нельзя лучше подходит для вяления рыбы. Пролеты хорошо продуваются ветром, а мухи не залезают так высоко. На пролеты можно поставить столько жердей, что их хватит на всю юколу Чайво.

За песчаным бугром стояли три больших новых дома. К одному из них и привели Керкук ребятишки.

— Тут живет дядя Пларгун, — сказал старший из проводников.

Старушка осторожно поднялась по лестнице, неуверенно потянула дверь и вошла в просторный коридор, очевидно, предназначенный для хранения дров и юколы на зиму. Стены и потолок были окрашены в белый цвет, а пол — в коричневый. К стенам были прибиты полки, на которых стройными рядами стояли стеклянные банки.

Открыв дверь со стеклянной ручкой, старушка попала в комнату, где стояла большая кирпичная печь.

В соседней комнате слышались шаги, из-за голубых занавесей показался сын Керкук в черных отутюженных брюках и белоснежной рубашке, на ногах его отливали блеском туфли.

— Ымк приехала! — радостно воскликнул он и стал трясти руки матери.

Мать отвели в следующую комнату, где стояли две железные никелированные кровати, покрытые белыми покрывалами.

«Что за напасть! Все здесь белое. Наверно, сноха только тем и занимается, что смывает грязь со всего этого», — подумала старушка, взглянув на свои следы, ясно отпечатавшиеся на полу.

Пока мать и сын делились новостями, комната заполнилась людьми, пришедшими на-

вестить гостью. Хозяйка дома пригласила всех к столу.

Отхлебывая густой чай из старинного китайского фарфорового блюда, старуха рассказывала о дорожных приключениях.

Когда она дошла до встречи с кинром, голос ее перешел в полусшепот, лицо вытянулось.

И тут один из слушателей толкнул локтем соседа и сказал:

— Маяк!

Раздался взрыв хохота.

«Что случилось?» — старушка с недоумением и опаской оглянулась кругом.

— Хе-хе-хе! Пларгун, покажи своей маме кинра. Хе-хе-хе! — хрипел сидевший напротив беззубый старик.

Впервые в своей жизни старушка Керкук видела такое непочтение к кинру.

— Слушайте меня, сегодня же ночью вы будете наказаны за свою дерзость!

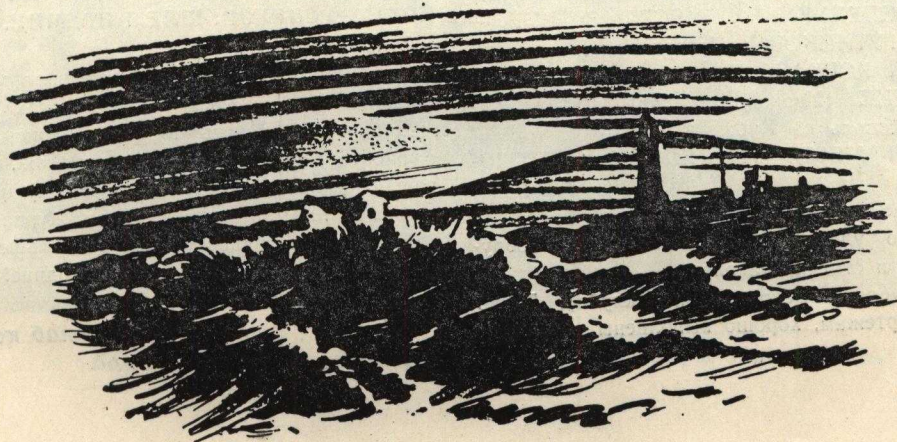
— Сегодня же ночью, ты, бабушка, снова увидишься со своим кинром. Хе-хе-хе! — не унимался беззубый старик. И новая волна смеха окатила гостью.

С большим трудом удалось перевести разговор на другую тему.

А вечером Пларгун, оставив мать на песчаном берегу, поднялся по зигзагообразной лестнице на самый верх высокого странного сооружения. На фоне темно-серого неба старушка увидела, как Пларгун остановился у бочки и стал что-то трогать в ней.

Вдруг старушка вздрогнула от неожиданной вспышки молнии в том самом месте, где находился Пларгун. Через некоторое время молния вспыхнула снова, и старушка заметила фигуру своего сына, неторопливо спускающегося по лестнице. Лицо Керкук нервно подергивалось. Она пыталась улыбнуться.

А маяк через каждые четыре секунды посылал в темноту снопы молний, указывая путь судам, бороздящим Охотское море.

ЮНЫМ МОРСКИМ УМЕЛЬЦАМ

Конкурс 1959 года закончен.

В нем участвовали 13 клубов юных моряков, 14 школьных морских кружков и звеньев, 672 юных моряка из 74 областей и городов, — Минска и Петропавловска на Камчатке, Дагестана, республики Коми, и многих, многих других.

Что делали юные морские умельцы?

Строили модели. На местные соревнования их было выставлено 397.

Рисовали. Прислан 41 рисунок на морские темы.

Выполняли задания штаба конкурса, печатавшиеся в «Костре». В редакцию пришло 427 подробных и обстоятельных ответов.

Устраивали летние водные походы. Штаб получил 28 отчетов.

Подведены итоги конкурса.

ПЕРВОЕ МЕСТО СРЕДИ КОМАНД МОРСКИХ КЛУБОВ ЗАВОЕВАЛА КОМАНДА ОБЪЕДИНЕННОГО МОРСКОГО КЛУБА НАРВЫ, КРЕНГОЛЬМА, ИВАНГОРОДА И КИНГИСЕППА. Ей присуждается переходящий приз — модель крейсера «Аврора». В следующем номере журнала мы расскажем об этом замечательном клубе, объединившем ребят разных городов.

ПЕРВОЕ МЕСТО СРЕДИ ШКОЛЬНЫХ КРУЖКОВ ПРИСУЖДЕНО МОРСКОМУ ЭКИПАЖУ 35-Й ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ШКОЛЫ БРЯНСКА. Брянск — город сухопутный, а моряки в нем — настоящие. Брянские ребята опередили юных моряков многих приморских городов.

ПЕРВОЕ МЕСТО СРЕДИ МОРСКИХ ЗВЕНЬЕВ ЗАНЯЛО ЗВЕНО ЮНЫХ МОРЯКОВ УСТНЕМ-БАЗЫ (КОМИ АССР). Члены звена Владимир Гетманов, Владимир Булышев, Николай Сиделкин, Виктор Казаков, Виталий Игнатов самостоятельно добились победы в конкурсе.

ЛИЧНОЕ ПЕРВОЕ МЕСТО ШТАБ ПРИСУЖДАЕТ ВЛАДИМИРУ СЫЧОВУ ИЗ ГОРОДА ЭЛЕКТРОСТАЛЬ (Московская область). Он лучше всех составлял и оформлял ответы на задания штаба конкурса.

ЧЕТЫРЕ ПОСЛЕДУЮЩИХ МЕСТА ЗАНЯЛИ — АЛЕКСАНДР ГУТНИКОВ (Петропавловск-Камчатский), **ТАТЬЯНА КОРЧАК** (Ленинград), **ВЯЧЕСЛАВ КУПРИЯНОВСКИЙ** (Иваново) и **ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ** (Ставрополь на Кубани).

ПЕРВЫЕ ТРИ МЕСТА РАЗДЕЛИЛИ СЛЕДУЮЩИЕ МОДЕЛИ:

Учебно-парусное судно «Товарищ» (модель Нарвского клуба). Особенно удачно выполнено парусное вооружение — бегучий и стоячий такелаж.

Бронекатер (модель Белгородского клуба). Точно соответствует чертежам, хорошо выполнены детали.

Большой охотник (модель Вячеслава Куприяновского, Иванова). Самоходная наборная модель, тщательно отрегулированная на остойчивость.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ СЕКЦИЯ МОРСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРИСВАИВАЕТ СТРОИТЕЛЯМ ЭТИХ ТРЕХ МОДЕЛЕЙ ТРЕТИЙ СПОРТИВНЫЙ РАЗРЯД. Мы помещаем фотографии моделей-победительниц.

ОТМЕЧАЮТСЯ В ЧИСЛЕ ЛУЧШИХ:

Миниатюрная настольная модель грузового судна (Дом пионеров Куйбышевского района Ленинграда, строитель Михаил Апрелев) — за тщательность выполнения и проявленный при этом художественный вкус.

Модель подводной лодки (строитель тот же) — за отличную конфигурацию обводов.

Модель броненосца «Потемкин» (Нарвский клуб) — за продуманный выбор темы и аккуратность выполнения.

Модель грузового судна (Дворец Культуры имени Горького, Ленинград. Строитель Святослав Соловей) — за чистоту выполнения и отличное качество окраски.

Модель яхты «М» (Нарвский клуб) — за хорошее выполнение. Такие яхты международного класса с эллиптическим сечением рангоута особенно необходимо строить сейчас, когда советские моделисты выходят на мировую арену.

Туристская байдарка (Дом пионеров Куйбышевского района Ленинграда) — за хорошее исполнение. Штаб отмечает ценную инициативу кружка, но рекомендует усовершенствовать конструкцию байдарки, дополнив ее водонепроницаемыми переборками для создания воздушных ящиков в носу и корме байдарки.

АКТИВНО УЧАСТВОВАЛИ В КОНКУРСЕ:

Михаил Морозов (Морозовка, Минской области), Александр Ширяев (Калинин), Александр Путов (Нерехта), Софья Бильдюк (Александровский детский дом Молодеченской области), Александр Ващенко (Москва), Владимир и Алиса Гребенниковы (Москва), Владимир Зуев (Ленинградская область), Владимир Коровин, Валентин Калев (Североморск), Вячеслав Виряев (Рига), Владимир Кузнецов (Нюрба Якутской АССР), Игорь Куликов (Сретенск), Владимир Калачев (Сталинск), Алексей Меркер (Москва).

ПОЗДРАВЛЯЕМ ВСЕХ ЮНЫХ МОРСКИХ УМЕЛЬЦЕВ С НОВЫМ ГОДОМ. ЖЕЛАЕМ ЗДОРОВЬЯ И НОВЫХ УСПЕХОВ. ШЛЕМ ПРЕМИИ.

Юные морские умельцы!

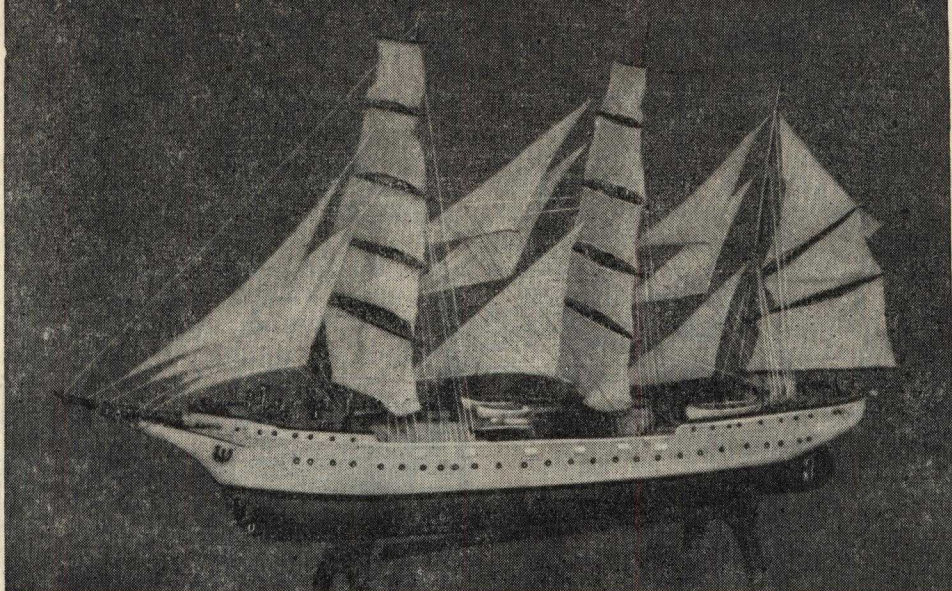
В новом году «Костер» открывает морской клуб, — продолжение конкурса юных морских умельцев.

Добро пожаловать в клуб! Присылайте рассказы о работе морских клубов и кружков, рисунки, стихи, головоломки, задачи. Пишите, о чем вам хотелось бы почитать на морских страницах журнала.

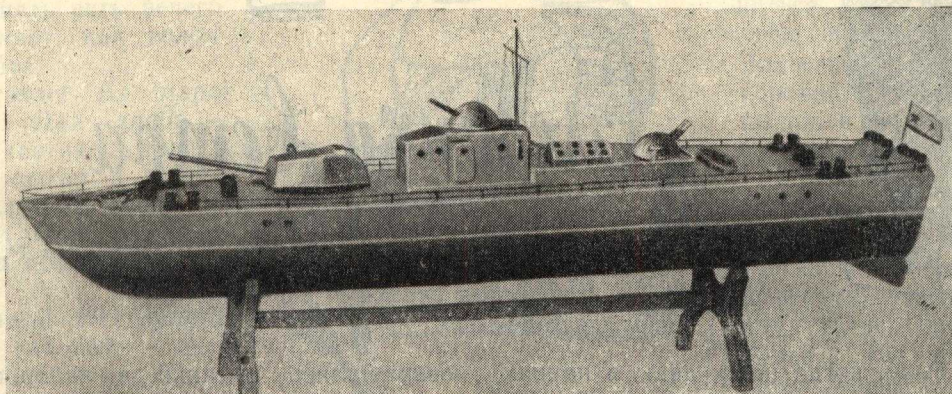
Больше участников конкурса! Больше знанй! Больше уметь! Всегда быть полезными Родине!

Так держать!

Штаб конкурса ЮМУ

Учебно-парусное судно «Товарищ» (модель Нарвского клуба)

Бронекатер (модель Белгородского клуба)

Большой охотник (модель Вячеслава Куприяновского, г. Иваново)

Слезинка ветра

Инда Романы Чай

Рисунки Р. Фридмана

Цыганская сказка

Давно то было, когда наши деды в парнях ходили, а бабушки по полям девчонками бегали. Рассердился Кхам-солнце на цыган за то, что новобрачные за свадебным столом начали садиться к нему спиной, перестали обычаи выполнять, и наслал беду.

И была в тот год такая засуха, что ни один цветок в поле не расцвел, пожелтела трава до времени, прилегли к земле хлеба, только ветер шелестел пустыми колосьями.

А беззаботный цыган ехал на коне и пел песню:

«Ветер, ветер,
Вольный ветер!
Брат мой, ветер!
Куда ты, ветер,
Туда мы, цыгане!»

Пой, пой, а от голода не уйдешь. Наступило такое время, что крестьяне солому с крыш съели. Этой беде и карты не помогут. Гадать никто не хотел, с пустыми подолами

возвращались цыганки в табор. Женщины все высохли, почернели, как головешки из потушенного дождем костра. У детей животы от голода распухли, а ноги стали тонкими, словно прутья.

Что делать? Стали цыгане лошадей резать, конским мясом питаться. Один Данило удержался, не прирезал своего любимого коня, а тот взял да и сдох.

Вскоре умерла и жена беззаботного Данилы, оставив ему шестерых детей.

В той деревне, где цыгане на постое стояли, только мельнику Чурбану с его старухой сытно жилось, от хлеба амбары у них ломились.

Пошел цыган к мельнику.

— Не дай детям умереть, удели хоть ломоть хлеба.

Скорчился мельник.

— Всех голодных не накормишь. Всякому дай, самому не останется.

Повернулся Данило к порогу, а Чурбан ему вслед:

— Эй, цыган, погоди! Что ты мне дашь за хлеб?

— Дам я тебе «баро парикав».

— Что это такое?

— По-нашему значит «большое спасибо». Засмеялся мельник.

— На что мне твое спасибо? Из спасибо шубы не сошьешь, словом коня не подкуешь. Хитер ты цыган, да и я не дурак. Неси женины золотые серьги, так и быть, дам хлеба.

— Серьги были и нет их. Без ног на похороны жены ушли.

— Ну, тогда неси медный самовар.

Принес Данило самовар, дал ему Чурбан хлеба. А надолго ли семерым одной буханки хватит?

Идет опять цыган к мельнику, да неспустыми руками, пуховую подушку несет. Сменял ее на хлеб, два дня поели — пришлось перину нести. Прошло сколько-то времени, опять есть нечего.

Дети кричат, как голодные воронята.

— Дэ тэхас! Дэ маро! Дай есть! Дай хлеба. — За полы хватают, плачут.

Впрягся цыган в телегу, свез ее мельнику, за бесценок спустил. Идет, беззаботный, песню поет:

«Была телега! Нет телеги!
Конь мой, где ты?
Едет на моем коне
Брат мой, ветер...»

Так раз за разом отдал мельнику все, что имел: жилет, шапку, рубаху, шубу, сапоги. Сам босой при одних штанах остался. Тут уж ему не до песен.

Зима близко, холодный ветер завывает, и дети подставить ему жалобно плачут.

Набрался цыган отчаяния, пошел опять к мельнику.

— Всего ты меня, Чурбан, обобрал. Видишь, голышом я остался. Пожалей ребят малых.

— Врешь, цыган, не все ты мне отдал, у тебя еще штаны есть.

А мельничиха Чурбаниха смехом заливается:

— Хочешь хлеба — снимай штаны!

— Побойся бога, как я без штанов ходить буду?

— Как Адам в раю ходил, так и ты походишь. За одно погляденье, как ты голяком по деревне побежишь, можно дать ломоть хлеба.

А сами сидят, пироги в сметану обмакивают.

Ушел Данило в своих единственных штанах. Только за порог к себе шагнул, дети навстречу бегут:

— Дада, дада, принес хлеба?

Тошно на их слезы смотреть. Э-эх! Пропади все пропадом! Накормлю детей в последний разок, а там...

Когда стемнело, пошел Данило к мельнику.

— Ну что, надумал, цыган? Раз пришел, так снимай штаны.

Принес Данило хлеб детям, а сам побежал топиться.

На черное небо вышел Чон-месяц, звезды ясные хороводы затеяли. Бежит цыган, в ушах ветер свищет, и слышится ему:

— Куда ты, брат мой? Остановись!

Взбежал Данило на крутой берег реки, хотел вниз прыгнуть, головой тоненький ледок пробить, рванулся... Но подхватил его ветер, понес прочь от реки и у лесочка на землю опустил. И услышал Данило голос знакомый, будто конь его ржет за спиной. Обернулся и увидел то, чего никогда не видели люди.

Сидит брат-ветер на его коне, орлиными крыльями размахивает, сам в серебряной одежде, лицо белое, глаза синие, как бездонное летнее небо.

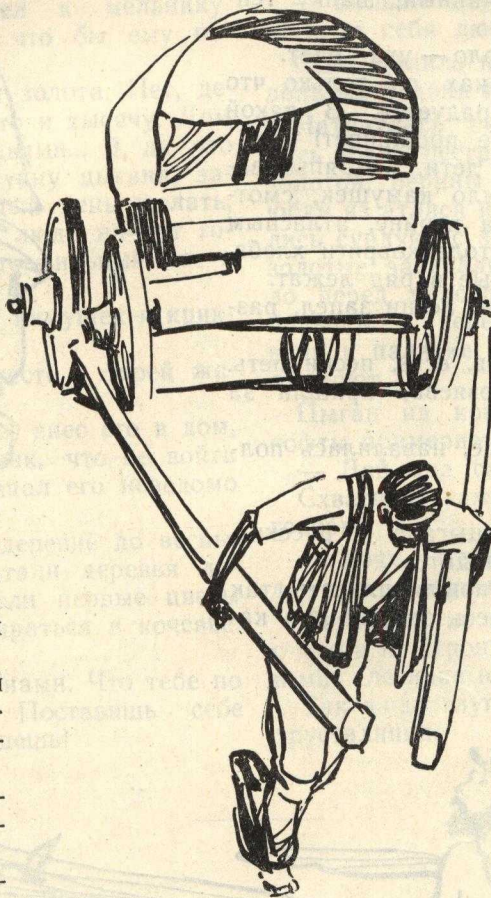
И упала из тех глаз горячая слеза на землю.

— О чем ты, ветер, плачешь?

— О цыганской судьбе, брат мой.

Превратилась слезинка ветра в ясную хрусталинку, так при месяце и блестит, так и переливается.

Говорит ветер:

— Возьми, Данило, мою слезу на счастье. Только береги, чтоб горячий луч солнца ее не тронул. Как подбросишь хрусталинку, любое желание исполнится.

Взял цыган камушек в руки, подбросил и сказал:

— Хочу полушубок овчинный, шапку теплую, валенки катанные...

Последнее слово замерло — уже одет.

Идет Данило в валенках по только что выпавшему снежку и радуется. В такой одежде никакой мороз не прощипнет!

Пришел домой. Спят дети, в тряпье зарывшись. Подкинул Данило камушек, смотрит: лежат цыганята на перине, атласным одеялом покрыты. А на столе коврижки хлеба, пироги, куры, гуси жареные в ряд лежат.

Сел, попил, поел, громко песни запел, разбудил ребят.

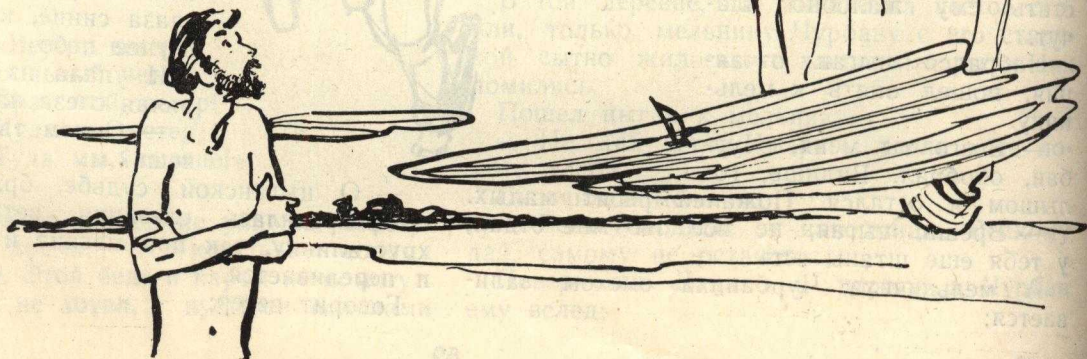
Стали они с отцом пить, есть, песни петь. Проснулись голодные хозяева, пришли за стол пировать.

А утром, прознав о чуде, навалилась полная изба народу.

Говорит им цыган:

— Пейте, ешьте все, цыгане и русские, сколько влезет, хватит голодать.

Поели люди, попили и пошли плясать, так что половицы заходили, весь старый дом качается.

— Эй, потише! — кричит хозяин, — боюсь, моя хата развалится!

Подкинул цыган камушек, сказал свое слово, — вместо старой избы стоит новая, дубовая.

Стали все у Данилы просить: кому зерна мешок, кому сена стог, кому гармонь, шубу, сапоги со скрипом, кто корову, лошадь просит, кто избу новую хочет.

А цыган с руки на руку камушек перекидывает, желанья людей исполняет.

Услыхал Чурбан про такие дела, затрясся от жадности, рысью припустил к цыгану, поклонился ему в пояс:

— Здравствуй, Данилушка! Прознал я о чуде и твоей щедрости. Не поскупись для меня. Ведь я тебя из беды выручал. Кабы не дал хлеба, умер бы ты с детьми. Пойдем ко мне в гости, потолкуем. Теперь время со мной расплатиться по-настоящему.

Усмехнулся цыган, пошел к мельнику. А тот в уме прикидывает, что бы ему попросить.

«Десять сундуков, полных золота. Нет, десять мало, выпрошу сто, а то и тысячу. Дом каменный, поместье с угодьями... Э, да что там! Заманю к себе, пристукну цыгана, заберу камушек и буду каждый день желать, что мне вздумается. А если люди начнут говорить, всем рты зажму. Кто сильный, тот и прав».

Но Данило тут подбросил камушек и крикнул:

— Чтoб тебе, Чурбан, вместе с твоей женой со света сгинуть!

Подхватил ветер мельника, внес его в дом, захлопнул окна и двери так, что не войти в них, не выйти, да и умчал его неведомо куда.

...Прожил Данило в той деревне до весны. Когда трава зазеленела, стали деревья листочки выпускать и расцвели первые цветы в поле, начали цыгане собираться в кочевье. Стали просить крестьяне:

— Оставайся, Данило, с нами. Чтo тебе по чужим местам шататься! Поставишь себе дом, первым человеком будешь!

Отвечал им цыган:

— Я вам уже все подарил, что вы просили, пусть и в других местах от меня людям счастье перепадет.

А на первой стоянке Данило свадьбу сыграл, выбрал себе в жены красавицу.

Говорит ему молодушка:

— Испытай при мне силу камня!

— Загадывай, — отвечает Данило, — что хочешь, а я буду камушку приказывать.

— Хочу, чтоб у меня были кофты, юбки из атласа и бархата, палатка шелковая, ковры убранные, стул золотой, как у королевы, чтоб самовары из чистого золота день и ночь кипели, перины хочу из лебединого пуха, гитары со струнами серебряными, бубен с золотыми бубенцами, сундук золотых монет, сундук золотых серег, кольца, сбрую богатую и стадо лучших коней...

— Ну, желай еще, моя красавица!

— Больше нечего желать. Разве зеркало, чтоб на себя любоваться.

Стал Данило камушек подбрасывать, с ладони на ладонь перекидывать.

Натянулась палатка шелковая, расстелились ковры пестрые, откуда ни возьмись, стул золотой, перины из лебяжьего пуха, кофты, юбки из атласа и бархата появились. Раскрылись сундуки с золотом, зазвенели бубенчики золотые, заиграли струны серебряные. И встало перед красавицей зеркало, большое-пребольшое в серебряной оправе. Прибежали кони к палатке, весело ржут, копытами землю роют.

Цыган на коней любит, а жена юбки, кофты примеряет, к Даниле ластится.

— Дай мне самой хрусталинку поиграть...

Схватила камушек, подбросила разок и говорит:

— Хочу, чтобы Кхам-солнце среди бела дня с неба спустился и в меня влюбился.

Поглядел на нее Кхам суровым глазом, с места не стронулся, а пустил такой луч, что в миг слезинка ветра растаяла.

Так из-за глупой жены и лишился Данило хрусталинки.

Сказка Загадка

Ранним утром отправились в путь почтальоны. Они разнесли письма всем читателям «Костра», — и тебе тоже.

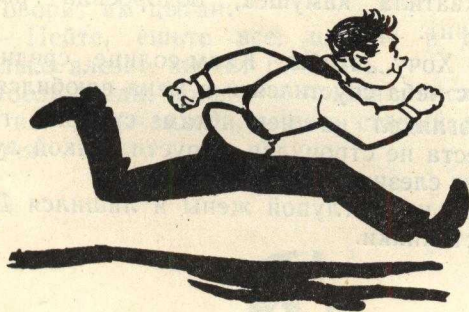
Читай:

Стали собираться ребята. Все больше и больше.

Кажется, все в сборе. Только Коли Кольцова не хватает. Мы его немного подождем. А пока отгадайте: чего в одном яблоке в четыре раза больше, чем в десяти яблоках?

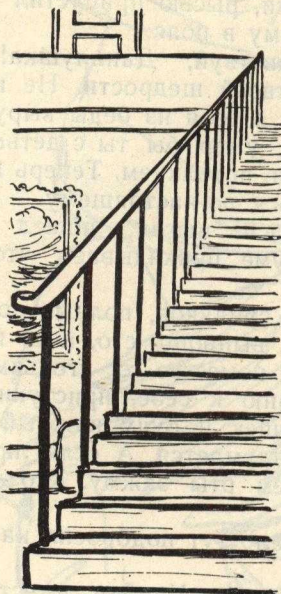
Кто отгадал, тот молодец. Смотрите, вот и Коля Кольцов бежит!

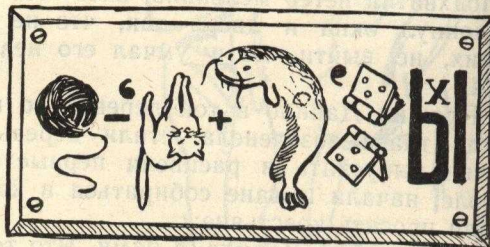
Кстати, какая нога у него сейчас впереди? И чего он так бежит? Все равно свою тень не обгонит. А может быть, можно обогнать свою собственную тень? Кто скажет?

Ну, теперь уж все в сборе. Становитесь в колонну.

Прежде чем подняться по лестнице, попробуем сосчитать, сколько у нее ступенек.

Теперь прочитаем табличку на двери:

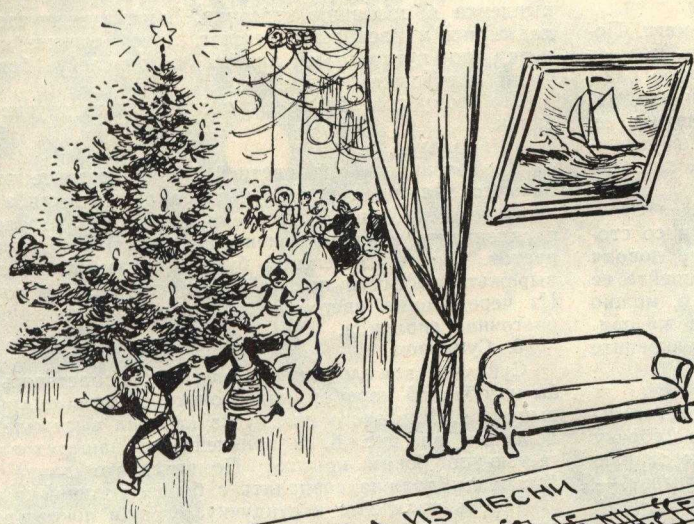

А ну, дверь, откройся! Сюда, ребята! Слушайте, что говорит Дед Мороз!

— Дорогие нота, согласная буква и прогулочное судно без одной буквы, здравствуйте! Мы древнее название Волги и роман Тургенева без одной буквы вас видеть у елки!

Музыка, плясуюю! Шире круг! Хороша елка — можно просто так вокруг нее танцевать, а можно разгадывать задачи и головоломки. Они окружают елку потому, что она — особенная, елка: загадка.

А ну, кто решит?

НАШИ
ГОРОДА

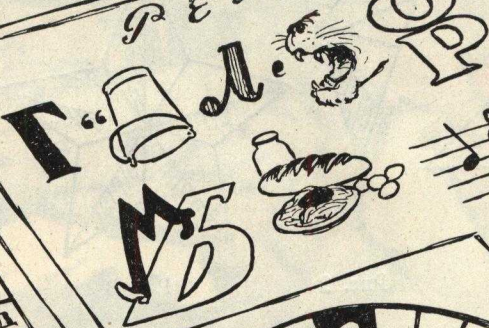
СЛАВА КАРЕЛИН,
ВОЗНЕСЕНСКАЯ ШКОЛА

СЛОВА ИЗ ПЕСНИ

ВОВА МИРКО,
Л-Д, 119-Я ШКОЛА

РЕЖУС

НАТАША ВОЖЕВА,
Л-Д, 145-Я ШКОЛА

Вписать
4-буквенные
слова так,
чтобы
соседние
слова
отличались
только
одной буквой

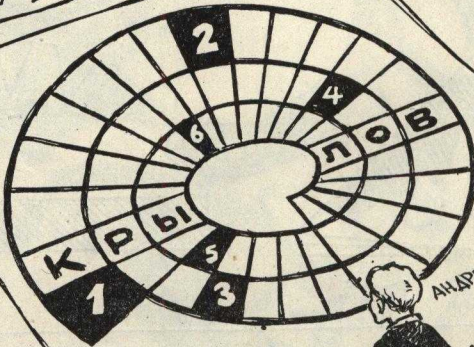

ГОША ВОЛЬСКИЙ,
Л-Д, 268-Я ШКОЛА

ВПИСАТЬ ЧЕТЫРЕ СЛОВА
ПО СЕМЬ БУКВ В КАЖДОМ

СЛАВА ВОРОШИЛОВ,
МИНСК

ВПИСАТЬ
НАЗВАНИЯ
ШЕСТИ
БАСЕН

АНДРЕЙ ПРОКОРЕНКО
7-Я ШКОЛА
Л-Д

ИГРУШКИ НА ЕЛКУ

1. Звезда

Сложите по диагонали квадрат красной бумаги. Получится треугольник. Разделите его на пять равных частей, как показано на рис. 1, и согните четыре раза, как бы свертывая фунтик. Отрежьте ножницами заштрихованную часть фунтика (рис. 2) и, развернув ее, получите пятиконечную звезду. Чтобы она была выпуклой, согните ее лучи (рис. 3) и наклейте на гладкую бумагу, обрезанную по контуру звезды.

2. Фонарик

Согните по длине полоску цветной бумаги и со стороны сгиба сделайте равномерные надрезы, не доводя их на 1 см до края. Разверните полоску и склейте ее по краям. Чтобы фонарик был более выпуклым, можно вклеить в него узкую бумажную полоску. Она же придает фонарику желаемую высоту. Теперь прикрепите к фонарику кисточку, и игрушка готова.

3. Бабочка

Сложите пополам лист цветной бумаги и со стороны сгиба нарисуйте «профиль» бабочки. Вырежьте бабочку по контуру и наклейте с внутренней стороны тонкую бумагу другого цвета. Разверните немного крылья, — и бабочку можно вешать на елку. (Рис. 4).

4. Цыпленок (корзиночка)

Лист плотной белой бумаги размером 16×7 см сложите вдвое и со стороны сгиба нарисуйте контуры

цыпленка и половины корзинки. Вырежьте вместе обе половинки и раскрасьте цыпленка. Затем согните корзиночку по пунктирным линиям и приклейте боковые части к туловищу цыпленка.

По этому способу можно сделать много других корзиночек.

5. Гирлянда

Квадратик тонкой цветной бумаги согните четыре раза по диагонали и нарисуйте со стороны сгиба контуры лепестка (рис. 5). Вырежьте лепестки, разверните и склеивайте попарно кончиками лепестков. Получится цветок. Теперь из зеленой бумаги таким же способом вырежьте листик и приклейте его серединой к цветку. Из чередования цветов и листьев и получится яркая цветочная гирлянда.

6. Сундучок

Сундучок для елочных игрушек можно смастерить хотя бы из обувной коробки, надо только сделать ее крышку выпуклой. Для этого два куска картона вырежьте, как показано на рис. 6, и приклейте их заштрихованной частью по бокам крышки. Помните, что длина этих боковин должна совпадать с боковой длиной крышки.

Теперь приклейте к сундучку ручки и покрасьте его синей краской, а сверху нарисуйте белые снежинки. Ручки сундучка покрасьте золотой краской. К крышке можно приклеить две золотые полоски.

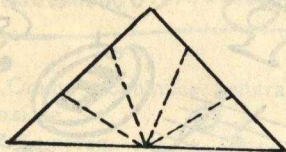

Рис. 1

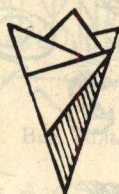

Рис. 2

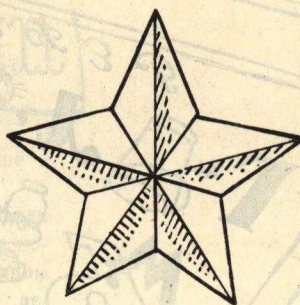

Рис. 3

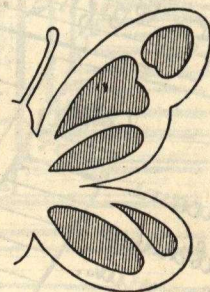

Рис. 4

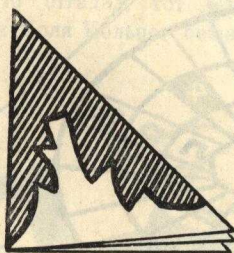

Рис. 5.

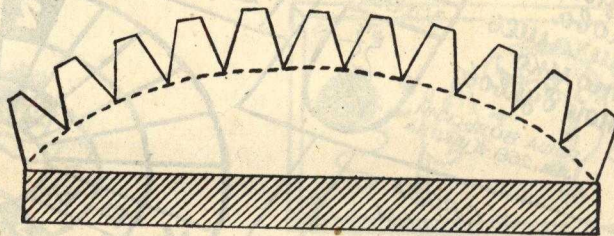

Рис. 6.

Редактор Н. С. Косарева

Редакционная коллегия: В. М. Конашевич, С. В. Обручев, А. И. Пантелеев, Т. Н. Приставко, Е. В. Серова, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь), В. В. Торопыгин (заместитель редактора), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова

Художник-редактор

Ю. П. Мезерницкий

Технический редактор

А. А. Дворакoвская

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Корректор М. Вавилина

Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: наб. Кутузова, 6, тел. Ж-3-23-63, комм. Ж-3-72-12.

М-45797. Подписано к печати 1/XII 1959 г. Формат $84 \times 103^{1/4}$. Печ. л. 8+2 вкл., 6,98 усл. печ. л. Тираж 180 000 экз. Заказ № 785.

8,8 уч.-изд. л.
Цена 2 р. 50 к.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза. Ленинград, Измайловский пр., 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати.

